

АЛЁНА МЕДВЕДЕВА

ОБЖИГАЮЩИЙ
СЕВЕР

Алёна Медведева

Обжигающий север

«Автор»

2014

Медведева А. В.

Обжигающий север / А. В. Медведева — «Автор», 2014

ISBN 978-5-9922-1863-3

Скована льдами и окутана вечным мраком холодная планета. Она не прощает слабости, не дарит напрасных надежд. Но что, если судьба именно ее предлагает альтернативой смерти? Тут выбирать не приходится. Единственная возможность выжить – брак с жутким стархом и переезд с ним на эту планету. И кто бы мог подумать, что именно Иволон, этот замерзший ад, станет самым прекрасным домом, наполненным обжигающим теплом чужой души и любовью, а вселяющий ужас хозяин, купивший рабыню, – защитником и мужем?

ISBN 978-5-9922-1863-3

© Медведева А. В., 2014

© Автор, 2014

Содержание

Пролог	5
Глава 1	8
Глава 2	13
Глава 3	18
Глава 4	22
Глава 5	27
Глава 6	31
Глава 7	36
Глава 8	43
Глава 9	48
Глава 10	54
Глава 11	60
Конец ознакомительного фрагмента.	62

Алёна Медведева

Обжигающий север

Пролог

– Руки на идентификатор! – Приказ сопровождался болезненным тычком оружия в спину, вытолкнувшим меня вперед.

Протянула руки к светящейся пучком синих лучей зоне, расположенной примерно на расстоянии тех, кто шел передо мной. Руки обдало потоком жалящего тепла, и спустя несколько мгновений раздался писк, известивший о завершении идентификации. Меня снова толкнули, на сей раз в сторону, освобождая место для той, что стояла в очереди позади.

Не успела я, по инерции пролетев пару метров, восстановить равновесие, как ощутила обжигающий холод, кольцом сомкнувшийся на шее. Контролирующий ошейник!

– Идентифицирована и закодирована. – И снова толчок, вынуждающий меня продвигаться дальше.

Опасаясь поднять руки и коснуться пугающего кольца на шее, подгоняемая подпирающим сзади потоком таких же, как и я, несчастных, двинулась внутрь плохо освещенного коридора. Идти было страшно. Ничего хорошего впереди не ждало. К тому же все толкались и теснились в узком пространстве грубого тоннеля, опасаясь нарваться на удары понукающих охранников. Справа я уловила отчаянный вскрик и хрипы кого-то упавшего. Помочь никто даже не попытался. Жутко боясь вот так же споткнуться и быть затоптанной безразличной отчаявшейся толпой, сосредоточилась исключительно на продвижении, всеми силами пытаясь противостоять множественным ударам и удержаться на ногах. В итоге из-за страшного шума пропустила приказ.

– Куда прешь, дура?! Сказано – бабы в правый рукав! – Меня опять резко толкнули в плечо, придавая ускорение в нужном направлении.

Налетев на мощную женщину, на мое несчастье оказавшуюся на пути, получила еще и основательный тычок от нее. Только бы устоять, о боли я уже не задумывалась.

– В седьмую заходи, там одной не хватает. – И меня очередным рывком, лишь на пару секунд обесточив волновую решетку, втолкнули в одну из боковых камер.

Упав на каменную поверхность, почувствовала, что расцарапала ладонь, которой неловко затормозила собственное падение. Но это была ерунда на фоне ожидавшей казни. Сжавшись настороженным комочком прямо на том месте, куда упала, боялась даже поднять взгляд и осмотреться.

– Вставай, девка. Чего камень-то греть? – раздался совсем рядом прокуренный басовитый голос.

Осторожно повернула голову и обнаружила мужеподобную тетку с рябым лицом и поврежденным левым глазом. Собственно, глаза не было, лишь пустая, зиявшая сплошной коростой глазница. Испуганно отшатнувшись, под гулкий и совсем неожиданный в этом месте хохот разбитной страшной тетки переместилась на колени и, упираясь руками в пол, начала вставать. Ноги плохо держали, подрагивая от усталости и пережитого страха.

Одновременно осмотрелась. В узком пространстве маленькой камеры находилось трое. Помимо этой рябой землянки еще две женщины – обе тузейки. Лица последних были совершенно безразличными, а глаза пустыми. Я у них интереса не вызвала, удостоившись пары смазанных отчужденных взглядов.

– Садись, – снова предложила рябая, указав на крохотный кусок скамьи рядом.

Другого выбора и не было. Скамья напротив уже занята тувейками. А мужеподобная землянка даже потеснилась, тщетно пытаясь освободить мне хоть чуть-чуть больше места. Но я втиснулась. Возможность присесть была большим облегчением, ноги уже еле держали, ведь последние двое суток почти полностью провела стоя. Сначала – пока нас после захвата корабля патрульным крейсером, набив в трюм как солонины в бочку, везли сюда, на изолированную базу для задержанных, потом – пока топталась в длинной очереди проходящих идентификацию. Посидеть не удалось. Так что теперь я с особым наслаждением вытянула измученные ноги, наконец-то получив возможность отдохнуть.

– Ты хоть совершеннолетняя? – как-то жалостливо оглядывая меня одним глазом, уточнила разговорчивая соседка.

Это было так странно, даже неестественно. Тут все молчали. А смысл болтать с незнакомым окружением в ожидании неотвратимой гибели? Поэтому, неловко пожав плечами, я только кивнула:

– Да.

– Какой возраст? – не отступалась тетка.

– Двадцать два!

– По-земному?

– По-космическому. – Я даже удивилась – зачем ей это?

– Двадцать пять почти, значит, – быстро прикинула она. – По тебе особо и не скажешь, думала – восемнадцать. Хилая ты какая-то... Откуда?

– А вам-то зачем? – не выдержала я.

– Дак все ж интереснее, чем молча в тоске-то ожидать. Хоть поговорить напоследок, – пояснила рябая.

– С каперского звездолета. Нас позавчера патруль задержал, – устало пояснила я предысторию попадания сюда.

– У-у-у... с пиратского... Ты у них откуда взялась такая хлипкая?

– Родилась там. Мама прибилась к команде, она из беженек была.

– Так ты вообще только в космосе и бывала? И жизни-то не видела, бедная, – засокрушалась тетка.

– Бывала на планетах и торговых базах, где нелегально заправиться можно, – призналась в ответ я.

– Скиталась, в общем: всю жизнь без дома, без родных, а сейчас и вовсе ни за что спленишь. Чай, ведь в грабежах не участвовала? Какой из тебя пират?! Так, команду развлечь, если только. – Она снова гулко хохотнула, заставив неприязненно поежиться.

– Отец защищал, но его в прошлом году во время нападения ранили, он умер почти сразу, – грустно рассказала я. – Но я много чего умею.

– Так оно и понятно, с такой-то судьбой, – понимающе покивала рябая. – А грамотная?

– Читать медленно могу, а писать – не все буквы знаю.

– Эх, жалко девку, – в никуда произнесла тетка. – То ли дело у меня: жизнь прошла – есть что вспомнить! Так и помирять не страшно, тем более я еще на шанс рассчитываю.

– Тебе только на него и рассчитывать, – неожиданно и резко огрызнулась одна из тувеек. – Старая уже, страшная да одноглазая...

– А и что? – гоготнула рябая, мощно хлопнув руками по ляжкам. – Я еще хоть куда! Таких и отбирают. Чтоб выжить в северных пределах самых суровых планет сумела, пахать да рожать могла. А что страшная – так враги не позарятся, тоже плюс. Чай, не для разговоров по душам туда отправляют.

– Лучше сдохнуть, чем туда попасть, – убежденно выдохнула четвертая узница. – Там такие выродки обитают – убийцы, садисты, изверги одни. Дикие они, а планеты, как правило... Выжить там невозможно... И отдадут им нас как вещь – в полное владение. Что захотят, то и

делать могут. Ошейник этот проклятый подчиняться заставит и сбежать не даст. И куда там сбежишь?!

– Да сдохнуть завсегда успеешь, – убежденно рыкнула рябая. – А жить... везде можно приспособиться. Нет, я хочу свой шанс испробовать. Слышишь, пиратка, ты, если предложат, не дури, не отказывайся: к жизни любой притереться можно, да и к мужику приноровиться.

Последнее она уже мне заявила, поддав локтем в бок, так что меня основательно впечатало в стену.

– И дурой как раз будет, – снова зло отозвалась тувейка, – на ней ни жира про запас, ни опыта жизненного, чтобы адаптироваться, так зачем собственные мучения продлевать? Да и хилая – разве сможет каждый год рожать да работать с утра до вечера? Так что не слушай дурных советов! Отважись на шанс – а никто из приличных на тебя не согласится: слишком ты никакая, а кто из опустившегося отребья заберет – так тоже сдохнешь, только намучившись предварительно. Забьют, поиздеваются со всей дури сначала, а то и еще чего похуже сделают. Защититься-то не сможешь.

– Ты что, думаешь, она еще жизни не хлебнула? – хмыкнула рябая.

В своей неспешной перепалке на меня они уже и внимания не обращали. А я, напряженно вслушиваясь в каждое слово, не могла понять, о чем вообще речь. Всем известно, что с нарушителями закона в космическом содружестве планет поступали жестко: полное развоплощение на атомы в камере смерти, и затем своеобразный прах развеивался в космическом холоде. Ни могил, ни памяти, ни проблем... На это я уже и настроилась, поэтому разговор об альтернативе и о каком-то севере сразу зацепил внимание.

– А что за шанс? – неуверенно переспросила я, переводя взгляд с дородной соседки на тувейку.

– Для дур легковверных предложение. Если на него согласишься, отправишься не в камеру смерти, а сначала на «выгон» – так место то называют. Загонят вас на площадку, чтобы желающие могли рассмотреть да прицениться. Уплатив пошлину в казну содружества, вроде как в жены могут взять. Если кто позарится – так сразу после уплаты брак зарегистрируют и отдадут тебя мужу. Но это слова одни, а на деле тебя, не спрашивая, купят, и прав у тебя никаких не будет. Потому что хозяйину во всем подчиняться должна будешь. Ошейник на тебе запрограммирован именно на это. Попробуешь противиться или бежать – разрядом парализующим будет бить. А если не позарится никто, то прямым ходом на развоплощение отправишься. А вы, земляне, слабые, в сущности, так что никому ты не нужна и можешь напрасных надежд не питать.

– Я – полукровка. Отец не землянин, – тихо прошептала в ответ я, озадаченная объяснением.

Подумать было о чем. Как поступить? Что предпочесть? Сразу сгинуть или понадеяться на удачу? Выбор был не столько трудным, сколько страшным. Перспективы в обоих вариантах не видно.

– Помирать не спеши, – снова влезла рябая. – Не жила еще. Если припрет, вон смерть твоя всегда при тебе – на шее.

Глава 1

– Шанс будешь использовать? – Охранник, привлекая внимание, ткнул в грудь парализатором и зло зыркнул, ожидая ответа.

А я, все обдумав и заранее решив, что не вынесу новых издевательств, потому лучше тихо смириться со смертью, неожиданно захотела жить!.. В это самое мгновение поняла, что больше всего боюсь смерти, а сильнее всего хочу выжить... любой ценой. И кивнула, соглашаясь.

– На выход. – И меня вслед за рябой соседкой выдернули из камеры, толкнув в ряды таких же решившихся.

Потом нас погнали по коридору, заставили пару раз повернуть и в итоге вывели на небольшую охраняемую, огороженную и освещенную площадку, за пределами которой толпились мужчины. Десятка два-три. А нас, согласившихся на шанс женщин, тут раза в три больше! Я сразу поняла, что смерть меня сегодня дождется. Поэтому обреченно остановилась возле входа на площадку в отличие от хлынувшего к ограждению – ближе к мужчинам – потока узниц. Устало опустилась на каменный пол и закрыла глаза, решив, что даже видеть этого не хочу – только напоследок растравлю себе душу.

Надо мной стоял гул множества голосов, радостные вскрики и отчаянные проклятия, а я старалась отрешиться от всего, понимая, что при таком количественном соотношении кандидатов мной никто не заинтересуется. Неожиданно в плечо сильно ударили. Испуганно открыв глаза, обнаружила рядом охранника.

– Вторая кровь чья?

– Старха... – прошептала я. Как же догадались о том, что я не землянка? Я ведь совсем в маму пошла.

– Вставай, тебя выбрали. – Снова толчок оружием, от которого я едва не рухнула навзничь.

Потрясенная его словами, по возможности быстрее вскочила на ноги. От страха, голода и усталости накатило состояние полного безразличия и оцепенения. И я, тяжело шагая впереди понукающего охранника, даже головы не подняла, чтобы рассмотреть того, кто меня выбрал. Слишком страшно поднять взгляд и увидеть того, кому отныне буду принадлежать абсолютно; того, от кого будет зависеть моя жизнь, и... сразу все понять. Остановилась, только когда уперлась взглядом в чьи-то ноги.

– Зубы, тело, рефлексы проверять будете? – уточнил у кого-то охранник, что подвел меня. Напряженно застыв на месте, внутренне сжалась в ожидании осмотра.

– Нет необходимости, – резко, грубо и жестко прозвучал ответ.

Меня немного отпустило, пока не услышала понимающий хмык охранника:

– Ненадолго выбираешь.

– Заканчивайте. Рейсовый звездолет скоро отправляется. Следующий – через полгода. – Снова этот жесткий голос.

И сразу рядом кто-то засуетился, шурша магнитными листами:

– Как зовут?

Не сообразив, что обращаются ко мне, получила очередной тычок парализатором в плечо. Не отлетела назад только потому, что кто-то вовремя сцапал это плечо и удержал на месте.

Благодарно подняв взгляд на оказавшего помощь, в ужасе замерла. Массивный старх. Страшный до жути. Грубые, угловатые черты лица; мощный, выдающийся вперед подбородок, угрюмое выражение глаз, какие-то несочетаемые пропорции: небольшие, глубоко посаженные желтые глаза, широкий рот и характерный сильно приплюснутый нос. Но главное – аура, окру-

жающая его... Леденящая кровь, рождающая подспудный страх, заставляющая поддаваться панике...

– Имя скажи! – удерживая взгляд, резко приказал мужчина, не отпуская мое плечо.

Я судорожно сглотнула.

– Скажи, – кивнул он в сторону.

Проследив за направлением кивка, я наткнулась взглядом на сотрудника базы – видимо, регистрирующего «брак».

– Витара Кийоне, – с трудом просипела пересохшим горлом собственное имя.

Этот сотрудник быстро вписал его в документ, предварительно коснувшись моего ошейника плоским ключом, который передал старху. Ключик к моей свободе исчез в огромной ладони мужчины, после чего он взял документы и подтолкнул меня в нужном направлении:

– Нам пора. Опоздать мы не можем!

Идти мне было сложно, ноги от страха и слабости подкашивались, к тому же нужного направления не знала. Спустя несколько минут старх остановил меня, ухватив за локоть, и, выдвинувшись немного вперед, повел за собой. Думая только о том, как бы не рухнуть и не навлечь на себя гнев жуткого старха, сосредоточенно переставляла ноги, стараясь поспевать за его размашистыми шагами.

Нас сопровождал один из охранников, ведя каким-то коротким путем. В результате примерно через полчаса за нашими спинами с вибрирующим гудением сомкнулась последняя дверь изолятора, а меня сразу обдало резким порывом холодного ветра.

Когда команду выгоняли с задержанного звездолета, никому вещи с собой взять, разумеется, не дали – зачем они смертникам? И сейчас все, что у меня было из вещей, – это порядком испачканная и местами порванная одежда, надетая на собственное тело.

– Ждем, – прозвучал жесткий голос старха где-то надо мной.

Чего – спрашивать не стала: было безразлично. К тому же стало еще и холодно: леденящая стужа отчаяния в душе и порывы пронизывающего ветра снаружи не способствовали возникновению любопытства. Внезапно огромная мужская рука, притянув к теплему боку, опустилась поверх моего плеча, заключив меня под мышкой у жуткого гиганта. А сверху опустилась пола плаща, укрывая от ветра. Меня мгновенно обдало жаром его тела: стархи, жители ледяных планет, отличались более высокой теплокровностью. Даже у моего отца так было, хотя старх он, по мнению окружающих, был слабый. А вот у меня уровень теплокровности выше стандартного человеческого никогда не поднимался. Но сейчас я была очень благодарна за это тепло, сразу почувствовав, что начинаю отогреваться.

Ожидание не затянулось. Вскоре я различила вдалеке гул двигателей, поняв, что приближается какой-то транспорт.

– Идем. – Меня, так и не выпустив из теплого убежища, подтолкнули в нужном направлении.

А я шла, думая только о том, что теперь всегда должна буду повиноваться ему. Куда мы опять двигались? Какая разница? Через дюжину метров меня и вовсе обхватили за плечи согревающей рукой и, приподняв, куда-то внесли. Сзади снова лязгнула, с шипением смыкаясь, дверь. А потом почти сразу зашумели двигатели, и я ногами ощутила вибрацию пола. Мы улетали.

– Бронь? – раздался рядом незнакомый голос.

– Да, кабинка. – Я почувствовала, что другой рукой старх что-то достал из кармана. – Вот документы на груз.

– Куда?

– На Иволон.

Мне стало совсем худо.

Если до этого было страшно и жутко, то тут резко накрыло беспросветным отчаянием. Иволон – ресурсная планета в созвездии Эйды, я слышала о ней. Мужчины в команде, когда срывались, часто кричали: «Сдохнешь, как на Иволоне». Планета с вечной зимой, запредельным морозом и гелием-3. Самое востребованное топливо, из-за которого и разрабатывали суровую для жизни большинства рас планету. Вот только кто? Кто мог выжить в условиях жуткого холода? Стархи... Я сглотнула. Вот только я не старх, совсем не старх, а потому сдохну там непременно... А может, оно и к лучшему.

Мой хозяин, подняв руку и откинув плащ, выпустил меня из теплого плена и сразу легонько подтолкнул вперед.

– Иди за мной.

И я послушно пошла, других вариантов у меня нет. Не озираясь и не осматриваясь вокруг: было безразлично, ведь у меня впереди – Иволон. Тупо уставившись на металлический пол под ногами, несколько коридоров и пролетов просто шла за ним. Он остановился, и я тоже замерла его тенью. Подняв голову, увидела, что нахожусь в пассажирском отсеке, и сразу поняла, о какой кабинке шла речь. Мне доводилось пару раз видеть такие рейсовые пассажирские крейсеры. Дешевые места – индивидуальные спальные кабинки. Не каюты, нет – именно кабинки. В отсеке, напоминающем по форме рукав, по обеим сторонам в три яруса располагались эти кабинки. Узкие, предназначенные для сна коробки. Он сказал «кабинка»... Значит, или двухспальная, или... нам с этим гигантом придется тесниться в одноместке. До Иволона не меньше недели полета, и все это время – с ним рядом, в замкнутом, тесном пространстве кабинки. Сердце сжалось, заходясь в глухом мучительном стоне. Может быть, он меня и купил, чтобы скрасить себе дорогу?

И кто он? Рабочий с гелиевых шахт? Судя по тому, что путешествовал в дешевой кабинке общего сектора, – да. Я обреченно сникла.

– Иди за мной. – Он решительно шагнул внутрь длинного отсека, я послушно – следом.

Мы шли вдоль безликих кабинок, единственной отличительной особенностью которых являлся порядковый номер на отодвигающейся боковой крышке. И за каждой из них наверняка кто-то был.

Он остановился, я тоже. Свернув что-то с бумажкой в руке, дернул крышку кабинки напротив. Открыв полностью, обернулся ко мне и сказал:

– Наша. Залезай внутрь и раздевайся. Одежду свою в ногах оставь. Я сейчас вернусь. Поняла? – Всего один жесткий взгляд, но меня словно порывом ледяного холода обдало. Начинается...

Кивнула и головы уже не подняла. Старх быстро развернулся и зашагал в обратном направлении. Без меня он перемещался гораздо быстрее. Помня об ошейнике и последствиях неподчинения, полезла внутрь своей будущей пыточной. Кабинка оказалась двухместной. Изначально, значит, планировал обзавестись кем-то. Хотя такой огромный мужчина мог и просто для своего удобства взять. И хорошо, что самым нижним ярусом располагалась: выбирать быстрее и не страшно, что под ним проломится. Я старалась думать о чем угодно, но только не о том, что сейчас предстоит. Стянула свой обычный корабельный костюм – эластичную куртку и свободные штаны с множеством карманов, в которых всегда таскала необходимые мелочи. Компактно свернула все и, как он велел, убрала в ноги. Осталась в одном белье, не зная, снимать ли его или пока оставить. Он как-то не детализировал степень раздетости, поэтому рискнула оставить хоть что-то на себе.

Внутри спальной кабинки мой рост позволял находиться в сидячем положении не сгибаясь. Обнаружив в изголовье карман с подушками, матрасом, одеялом и простеньким набором постельного белья, решила застелить, надеясь, что старх не будет из-за этого недоволен. Быстро управившись, с чувством радостного облегчения легла вдоль боковой стены и укрылась одеялом. Пусть у меня есть только несколько минут, но хотя бы их использую для отдыха.

Тело немилосердно ломило от усталости, измученные мышцы тянуло до боли, а ступни жгло уколами сотен игл. Такой измученной я себя никогда еще не ощущала. Но я никогда и не была так близко к краю.

Прикрыв глаза, постаралась расслабиться, позволить мышцам отдохнуть. Глубоко вдохнула. В кабинке пахло санитарными средствами, которыми обрабатывали все внутренние поверхности и постельное белье. И этот неприятный, по сути, запах сейчас откровенно радовал, создавая в душе ощущение какой-то обыденности происходящего.

Крышка кабинки резко отъехала, заставив меня испуганно съежиться в уголке. Старх подошел неслышно, напугав меня неожиданным появлением. Огромный мужчина склонился и заглянул внутрь, встретившись со мной взглядом. Какой страшный! Глядя сейчас на него в упор, видела это отчетливо. Старх внимательно взглянул на меня, судорожно прижимавшую к груди одеяло, быстро obeжал взглядом застеленный матрас и кучку моего барахла в ногах кабинки.

– Ешь. – Резким движением, заставив непроизвольно вздрогнуть, протянул что-то.

И я сразу почувствовала запах съестного. Еда... Рот мгновенно наполнился слюной, а живот отозвался острой режью. Я не ела больше двух суток, да и пила за это время всего два раза. Быстро выдернув руку из-под одеяла, перехватила протянутый мне кусок. Мясо! Жадно впилась в него зубами, откусывая и глотая, почти не жуя, едва не давась.

– Хлеб? – Он снова протянул мне что-то, и я, не раздумывая, схватила предложенное.

Ломоть подсохшего хлеба. Боже! Я в жизни не ела ничего вкуснее! Чувствовала, что он наблюдает за мной, но заставить себя есть медленнее не могла. Огромный кусок мяса и здоровенный ломоть хлеба буквально проглотила за пять минут.

– Руки вытри. – Он протянул мне тряпицу, которую тоже взяла, тщательно вытирая о нее жирные пальцы. Едва удержалась от желания предварительно обсосать их, слизывая капли мясного сока. Но побоялась, что старху это не понравится.

После тряпки получила фляжку с водой, к которой тоже жадно прикила.

Чувствуя себя сытой и благодарной, откинулась головой на подушку, напряженно ожидая его дальнейших действий. Пусть делает то, что намерен. За то, что сейчас покормил, я должна ему больше. И я стерплю.

Мужчина спокойно, не суетясь, принялся раздеваться. Обувь и плащ убрал в огромный, извлеченный из кармана мешок, туда же закинул и мои ботинки. Нагнувшись, сунул мешок куда-то мне в ноги. Длина кабинки была под два метра, и я до противоположной стены ногами не доставала. Именно в это место он мешок и положил. Я, напряженно замерев под одеялом, наблюдала за ним. Он неспешным движением через голову стянул странную теплую куртку и толстую рубаху, сложил одно на другое на краю матраса, потом спокойно взялся за штаны. Испугавшись, отвела взгляд, уставившись на мешок в ногах. Но слышала, что он разделся и зашуршал одеждой. Стопка последней отправилась также в изножье кабинки поверх мешка, а потом и сам огромный старх втиснулся внутрь, задвинув за собой крышку спального места.

Стараясь хоть как-то дистанцироваться от него, вжалась в стену, буквально задыхаясь от ощущения подавляющей мощи и силы расположившегося вплотную ко мне мужчины. Он, спокойно приподняв другой край одеяла, забрался ко мне в уже нагретый кокон постели. И я сразу почувствовала, что он совершенно голый.

Судорожно вздохнув, напряженно замерла.

– Не девственница? – все в той же скупой манере озвучил он вопрос.

Меня затрясло испуганной дрожью, резко прошибло судорогой, а язык онемел от ужаса. Вот так, вплотную, совсем рядом, он ощущался колоссально огромным. Это дико пугало. Горло свел спазм, не позволяя ответить.

Старх спокойно, без суеты, положил мне на грудь поверх одеяла свою огромную руку, припечатав намертво. Другой, поддав вверх колени, заставил согнуть ноги и, даже не заметив

моего истового сопротивления, ладонью развел их в стороны и скользнул рукой под ткань трусов. Так же неторопливо и деловито в меня сразу глубоко скользнули два пальца, проверяя. После чего он отвел руку и, освободив мою грудь, повернулся на бок ко мне лицом. Подбив свою подушку, обхватил ее огромными лапами и, перевернувшись на живот, явно собрался спать.

– Спи, – негромко прозвучал его приказ.

Все еще напряженно замерев возле стены и зажмурив глаза, какое-то время вслушивалась в его ровное, спокойное дыхание, пока неожиданно не осознала, что он действительно заснул. Даже легкий храп прорезался, а тело старха расслабленно обмякло рядом. Поняв, что сегодня мне и в самом деле ничего не грозит, едва не разрыдалась от облегчения. Отвернувшись лицом к стене, некоторое время ощущала струящиеся по щекам ручейки слез, а потом тоже заснула.

Глава 2

Спать было очень тепло, даже жарко. Огромное тело за спиной ощущалось мощнейшей теплоизлучающей системой. Даже не заметила, как во сне раскуталась. Рядом со стархом какое одеяло не требовалось!

Пробудившись окончательно, осознала, что меня прижал громадной рукой, расположившейся поперек живота, к своему телу спящий рядом мужчина. Дышал он глубоко и ровно. Видимо, в отдыхе нуждался не меньше меня. Прислушавшись, поняла, что на корабле наступил день.

За пределами кабинки шла типичная суэта: корабль жил своей жизнью, до меня долетали обрывки фраз. Но быть отделенной от всего этого стенами, пусть и в обществе страшного старха, было отчего-то спокойно. Сейчас, пока он спит, не так страшно, а тепло и темнота внутри кабинки создают некое ощущение уюта и определенной безопасности. Решив не лезть на рожон и не будить его попытками отодвинуться, снова заснула.

Повторно очнувшись уже оттого, что кто-то теребил за плечо. С перепугу, не разобравшись со сна, дернулась, желая вскочить, и едва не врезалась головой в потолок. В последний момент кто-то удержал.

Обернувшись, увидела рядом огромного мужчину, который в данный момент придерживал своей лапой мою макушку, и вспомнила вчерашние события: шанс... выбор... отлет...

Сразу испуганно замерла, рухнув на подушку и настороженно вглядываясь в его лицо в свете тусклого внутреннего освещения кабинки.

– В туалет нужно?

Этого вопроса не ожидала, но, услышав, поняла, что очень хочу. И кивнула, смутившись.

– Хорошо, пойдешь со мной. – И старх совершенно невозмутимо, неудобно изогнувшись в узкой для него тесноте кабинки, потянулся за своей одеждой. Несмотря на габариты, ловко натянул трусы и брюки, а потом, открыв крышку кабинки, выбрался наружу, освободив мне внутреннее пространство. – Одевайся, – вытягивая мешок с обувью, сказал он мне.

Я тут же метнулась за своей одеждой. Посмотрев на сильно испачканные штаны, перевела взгляд на матрас, на котором спать еще минимум неделю, и решила. Переместившись на четвереньки, боясь и подумать о том, как выгляжу со стороны присевшего возле открытой крышки и наблюдающего за мной старха, быстро скатала застеленный матрас, отодвинув получившийся валик в изголовье. Подушки и одеяло запихала обратно в отведенный для них карман на стене. И только после этого, полулежа на голом днище кабинки, кое-как, выгнувшись дугой, натянула штаны, а потом и свою куртку. Руками коснувшись грязных и свалявшихся волос, поняла, что их не продрать, поэтому оставила это намерение. Свесив ноги наружу, натянула спрятанные вчера в карман носки и надела ботинки, уже стоявшие на полу рядом. После чего полностью выбралась в общий проход пассажирского отсека и, замерев рядом с запирающим кабинку стархом, беспокойно осмотрелась. Вокруг было множество пассажиров звездолета. Кто-то просто стоял в проходе между кабинками, кто-то лежал внутри, только выглядывая наружу, кто-то сидел, свесив вниз ноги. Большинство просто наблюдали за окружающей обстановкой, кто-то разговаривал между собой. В основном это были мужчины. Земляне, тузейцы, шекагары и несколько представителей еще не виданных мною ранее рас. При моем появлении пассажиры уставились на меня, оценивающе рассматривая. И каждый взгляд обязательно спотыкался об ошейник, который мои грязные и не очень длинные волосы не скрывали. И сразу в выражении лица заметившего появлялось что-то скабрзное, презрение и даже ненависть.

– Иди, – подтолкнул меня влево старх.

Я послушно пошла, чувствуя его подавляющее присутствие позади. Дорогу нам уступали мгновенно. Так, преодолев весь отсек нижнего трюма, где располагались дешевые спальные

кабинки, вышли к санитарной зоне, находящейся в отдельном блоке у входа в отсек. Старх молча и невозмутимо кивнул мне на предназначенные для женщин помещения, а сам остался снаружи. Я поскорее шагнула внутрь, было уже совсем невтерпеж. Разобравшись с естественными потребностями, задумчиво остановилась возле умывальника. Вода на звездолетах в санитарной зоне была технической, находясь в замкнутом цикле постоянной очистки. Но за ее использование взималась плата. Мне же платить нечем, а входит ли услуга в билет купившего меня громилы, я не знала. Поэтому, как ни хотелось помыть руки и хотя бы освежить лицо, решила сначала выяснить этот момент у старха, ибо осложнений хочется еще меньше.

Шагнув за дверь, обнаружила его, спокойно ожидающего напротив входной двери, но, прежде чем успела озвучить беспокоящий вопрос, он сказал:

– Сейчас мыться. – И, развернувшись, пошел в сторону душевых помещений.

Вот это да! Я потрясенно засеменила следом, стараясь не отстать. Помыться – это в данных обстоятельствах было мечтой, причем труднодостижимой. Хотя странно это – оплатить полную помывку, но ютиться в спальной кабинке в трюме звездолета среди самых нелицеприятных категорий населения межгалактического содружества.

В душевых отсеках никого не было. Оно и понятно – неделю можно и без помывки пережить, а стоит удовольствие прилично.

– Раздевайся. – Грубый голос и спокойный тон. Кажется, начинаю привыкать к этому.

Помывочная зона состояла из небольших отсеков без дверей, с потолка которых текла вода, исчезая в сливном отверстии на полу. Старх быстро разделся сам. Я спешно отвела взгляд. Не то чтобы обнаженного мужчину никогда не видела, но именно этот конкретный мужчина меня пугал, и особенно в голом виде. А еще я ему полностью подчинялась и отказать ни в чем не могла, что тоже добавляло тревоги.

Кажется, он себя без одежды чувствовал естественнее, чем в ней. И это житель северных пределов!

Дрожащими пальцами принялась стягивать куртку, потом развязала завязочки, скрепляющие спереди чашечки бюстника, и сняла его. Бросив быстрый взгляд на хозяина и, удостоверившись в том, что он не смотрит на меня, занявшись поиском чего-то в захваченном с собой пакете, потянулась к поясу брюк. Сняв их, стянула и трусики.

– Чего ждешь? Пока еще кто-то придет? Заходи под воду, – не оборачиваясь, жестким тоном прикрикнул он.

Быстро свалив кучу грязной одежды в специальный карман рядом, рванула в душевой отсек. Старх тут же ступил следом, отгораживая и скрывая меня от любого постороннего взгляда своим массивным телом. Дернул рычаг, и вода обрушилась сверху достаточно мощным и теплым потоком. Мужчина завернул кран и протянул мне кусок мыла. Настоящий кусок твердого простого мыла – такого я давно не видела. Но не в моих обстоятельствах привередничать, поэтому, осторожно забрав, начала намыливать тело, а потом и волосы. Мыло, конечно, не лучший вариант, но точно предпочтительнее, чем оставить их грязными. Старх на меня не смотрел: повернув голову в сторону входа, чутко прислушивался. Но, как только я, задумавшись, стоит ли ему вернуть мыло, растерянно замерла, быстро обернулся и, забрав у меня кусок, тоже начал намыливаться.

Не зная, куда девать взгляд, я переводила его с места на место, но почему-то каждый раз натывалась или на перевитую тугими мускулами руку, или на рельефный мужской живот. В глаза бросилось огромное количество необычных маленьких узоров-татуировок по всему его телу. Мылся он так же, как и говорил, – резкими, рублеными движениями, в итоге управившись гораздо быстрее меня и снова открыв воду.

С удовольствием ощутив теплый поток, тут же принялась смывать грязную пену и вычесывать волосы. Старх изредка бросал на меня внимательные взгляды, но ничего не говорил и не прикасался. Вообще, меня не покидало ощущение какой-то его настороженности. Смыв

с себя остатки мыла, он вновь перекрыл воду. После чего шагнул из отсека, освобождая мне путь.

Подойдя к карману со своей грязной одеждой, я потянулась за бельем. Надевать его на чистое тело будет неприятно, но не голой же ходить. Может быть, как-то удастся постирать? Не ходить же в этом остаток жизни?

– Надевай это.

Я удивленно оглянулась и обнаружила старха уже в штанах и ботинках. Он протягивал мне какой-то мягкий на вид сверток. Осторожно, чувствуя себя вдвойне неловко от собственного обнаженного и мокрого вида, шагнула к нему и взяла сверток. Развернув, поняла, что это одна из его рубашек, похожая на ту, что он вчера снял перед сном. Утепленная, толстая и очень длинная. Но главное – чистая! С учетом того, что у меня не было вообще никакой смены, раздумывать было не о чем. Обсохну – и тогда будет не так неприятно натягивать грязную одежду.

Быстро скользнув руками в рукава, застегнула на груди длинный ряд пуговиц. Тоже странность! Сейчас везде магнитные крепежи. Рубашка оказалась сильно велика, спускаясь ниже колен – без штанов можно вполне обойтись. Рукава я закатала, ботинки надела. Пока собиралась, обнаружила, что всю мою и свою грязную одежду он уже убрал в свой мешок.

– Все? – Старх вопросительно кивнул в сторону выхода.

Быстро развернувшись в нужном направлении, я зашагала вперед, стараясь своей медлительностью не вызвать его недовольства. Состояние заметно улучшилось – я была живой, чистой, выпавшейся и не страдала от голода. Меня не избили, не изнасиловали и не замучили! И даже непривычное ощущение отсутствия белья и неплотно прилегающей одежды не смущало.

Доведя меня до нашей кабинки, невероятный старх закинул в изножье мешок и сказал, склонившись ближе:

– Сиди тихо, я скоро приду. – При этом последовал красноречивый кивок на кабинку.

Тут же забравшись внутрь, я села, поджав ноги и расслабленно облокотившись на валик матраса. А он задвинул за мной крышку и ушел.

Снова клонило в сон, пока раздумывала над тем, что мне, кажется, повезло. Вопреки мрачным прогнозам тувейки меня выбрал не самый плохой мужчина.

Я вздрогнула, услышав резкий шум совсем рядом с нашей кабинкой. Стало любопытно посмотреть, что происходит снаружи, тем более от меня не укрылось, что, когда мы возвращались из душа, никто на нас внимания уже не обращал. Осторожно потянувшись к крышке кабинки, сдвинула ее в сторону и выглянула наружу. Почти тут же напротив меня присел здоровенный волосатый детина. Здоровенный – для жителя Земли.

– А меня не погреешь? – усмехнулся он и, неожиданно схватив меня за руку, дернул к себе, кивнув головой в сторону. – Вон моя кабинка, и со мной будет приятнее, чем с этим стархом.

Он мерзко захохотал, а я в ужасе закричала, пытаюсь упираться. Но моих сил тут явно было недостаточно. Подтащив меня за руку, второй рукой перехватил за бедро под задравшейся рубашкой и выдернул наружу.

– Помогите! – крикнула я, стараясь вырваться.

Никто даже не обернулся, хотя мы были в проходе далеко не одни.

– Пасть закрой, а то докричишься, – зло прошипел детина, наотмашь ударив меня по лицу.

Не успела я очухаться от боли, как меня рывком, приложив плечом об угол, затолкали в соседнюю кабинку. Обезумев от ужаса, заорала во всю силу легких, пытаюсь оттолкнуть залезавшего следом мужика. В отчаянии бросилась вперед, стремясь впиться в его лицо зубами, но ухватила пустоту...

Неведомая сила выдернула детину наружу, после чего огромная, с заострившимися когтями лапа схватила его за горло и, впившись когтями в плоть, рванула на себя. Раздался страшный предсмертный, резко оборвавшийся вой, и жутким всплеском, разлетевшись полукругом вслед за движением лапы, выстрелила кровь. Мужик упал, заставив меня застыть в панике от вида развороченного окровавленного горла, торчащего куска оборванной трахеи и острого края переломленного позвоночника.

В пассажирском отсеке ненадолго наступила абсолютная тишина, а потом разнеслись крики паники, призывы к мщению и злые проклятия...

В ужасе, не контролируя себя, я забилась в угол, зажав рот рукой. Кусая собственную ладонь, в отчаянной попытке стремилась сдержать рвущиеся наружу истеричные рыдания. Било крупной дрожью и сдержаться не удавалось – даже сквозь прижатую к губам ладонь доносился мой панический скулеж. Нет, я видела раньше трупы, я видела, как убивают, как убивают жестоко... Меня трясло не поэтому... Этому подонку я бы не пожелала другой участи. Но убивала, просто замораживала паникой мысль о том, что я сама виновата в случившемся... Что все произошло из-за моего глупого любопытства... Что я нарушила его приказ... Что сейчас будут последствия...

В том, кто убил напавшего на меня, не сомневалась ни минуты. И когда, не обращая внимания на окровавленное тело рядом, старх присел на корточки и пронзил меня бешеным ледяным взглядом желтых глаз, я сразу поняла – вот она, развязка. Меня, парализованную этим взглядом, затрясло так, что казалось – весь корабль шатает в такт со мной...

– Пропустите, – раздался властный окрик неподалеку, и возле выпрямившегося старха появились мужчины, которых я видела только до пояса. Вооруженные. Охрана звездолета и... капитан, судя по форме.

Снова повисла звенящая тишина, разбавляемая только моим стучащим сердцем и животным нервным поскуливанием. Неожиданно тот, что был в форме капитана, тоже присел и, заглянув в каabinку, встретился со мной взглядом. Я вздрогнула: капитан тоже оказался стархом. Темная кожа, желтые глаза, мохнатые уши и плоский нос... странно подрагивающий сейчас. Он несколько мгновений спокойно и изучающе на меня смотрел, прежде чем выпрямиться, предварительно захлопнув крышку каabinки и погрузив меня в темноту.

– Уберите тут. – Теперь я знала, кому принадлежал командный тон.

– А что со... стархом? – раздался чей-то злой вопрос. – Он напарника нашего порвал.

– Сам виноват. Полез не к той бабе. Свое защищать имел право, – холодно прозвучало в ответ.

И – все: раздались уверенные, постепенно отдаляющиеся шаги. Потом совсем рядом что-то зашуршало, заскрипело. Спустя минут двадцать, судя по звукам, жизнь вернулась в прежнее русло, снова наполнившись обыденной суетой и приглушенными разговорами.

Все это время я, напряженно вслушиваясь, просидела не шевелясь. Для меня ситуация еще не достигла логического завершения...

Крышка отодвинулась, явив мне собственного владельца. Старх, скользнув взглядом по моим сразу задрожавшим губам, спокойно сказал:

– Вылезай.

С трудом, еле двигая онемевшими конечностями, выбралась наружу, страшась взглядов окружающих. Но рядом не было никого вообще. Даже крышки ближайших каabinок задвинуты. И тела тоже не было... И крови... Вообще, появилось ощущение, что весь этот кошмар мне привиделся.

Поскольку я застыла, шурясь и озираясь вокруг, старх подтолкнул меня слегка в плечо в направлении нашей каabinки. Опомившись, тут же залезла туда, отметив разобранный матрас, подушку и одеяло.

– Раздевайся, – все так же бросил в своей манере – обстоятельно и без суеты.

Я, сглотнув, принялась трясущимися руками расстегивать пуговицы рубахи. Вот сейчас и случится давно и с ужасом ожидаемое. Кричать не буду. И так окружающих зрелищем порадовала.

Раздевшись, не глядя на мужчину, отложила рубашку в сторону и замерла, ожидая его дальнейших действий. Старх, протиснувшись головой и плечами внутрь кабинки, резко перевернул меня на живот. Лицом уткнувшись в подушку, я в последний миг, перед тем как попу опалило адской болью удара, поняла, чего ожидать. Но к тому, что будет такой сильный шлепок, не приготовилась. Слезы из глаз прыснули непроизвольно, и я, судорожно передернувшись, снова плюхнулась на подушку.

Крышка кабинки задвинулась, оставив меня в ореоле тусклого света в одиночестве. И на сей раз я четко расслышала, что ее закрыли на замочек. Некоторое время пролежала, продолжая плакать. Было больно: то место, что пониже спины, горело огнем, однозначно давая понять, что ближайшие часа три, а то и все пять лучше провести на животе. Но я была так рада наказанию, что плакала и от радости тоже. Оттого что все обошлось этим, оттого что действительно заслужила, оттого что все закончилось...

Глава 3

Пока плакала, незаметно уснула. Встрепенулась от какого-то стороннего шума и проснулась. По ощущениям, проспала недолго – час или чуть больше. Первым делом осторожно коснулась ладонью пострадавшей части тела. Боль все еще ощущалась, хотя жгло уже не так сильно. Вот же силищи у старха, при желании зашибет мгновенно.

Вспомнилось вырванное горло, рождая абсолютное понимание того, что купивший меня мужчина – существо очень опасное. А значит, придется быть очень осторожной, чтобы не разозлить его. Как говорила та рябая, надо к нему приспособиться. Раз уж так получилось, другого выхода нет.

Неожиданно уловила запах еды, повернулась и обнаружила у самого края матраса, со стороны входной крышки, небольшую округлую дощечку, на которой, укрытое сверху тряпичей, нашлось мясо, два очищенных земляных плода и ломоть хлеба. Тут же притулилась и вчерашняя фляжка. Невообразимо! Совершенно неожиданная в данных обстоятельствах забота.

Осторожно повернувшись на бок, укрылась повыше одеялом и подвинула еду ближе. Ела с наслаждением, смакуя каждый кусочек и радуясь самой возможности поесть вот так в одиночестве и спокойно. На пиратском звездолете далеко не всегда было хорошо с продовольствием, а есть мясо и вовсе приходилось нечасто – на мою долю его обычно не хватало. Тут же – настоящий пир. И все благодаря старху! Пока он действительно заботился обо мне как о члене семьи. Хотя как мне об этом судить? Мама умерла, когда я была подростком, а отец пекся постольку-поскольку. Защищал от своих, временами едой делился – и на том спасибо!

Сейчас же дала себе слово: сделаю все, что в моих силах, чтобы стать полезной старху. О том, каково быть женой, я не знала, но решила, что постараюсь научиться. Сегодня он меня спас во второй раз! И я теперь должна ему не только подчиняться – жизнью обязана.

Осторожно, чтобы не насорить на матрас, доела все до крошки, вытерла руки и напилась. Деревяшку и фляжку отодвинула в изголовье мужчины, потом с максимальной осторожностью перевернулась на спину и укрылась одеялом полностью. Без старха рядом и без одежды было прохладно. Так, вслушиваясь в окружающий шум, ловя какие-то обрывки фраз, совершенно расслабилась. Возникло ощущение спокойствия. Сейчас от меня мало что зависело в сотворении собственного будущего, но вот в данный конкретный момент было тепло, сытно и безопасно. Постепенно, убаюканная монотонностью происходящего вокруг, погрузилась в состояние легкой дремоты. При этом лежала расслабленно, но старалась не шевелиться, чтобы не беспокоить пострадавшую часть тела.

Скрип ключа в замочке уловила сразу, поэтому успела глубоко вдохнуть и морально настроиться на встречу со стархом. Он, отодвинув крышку кабинки, совершенно поразил меня тем, что держал в руках. Это была влажная одежда! Моя!!! С самым невозмутимым видом выдернув из кармана в изголовье вторую подушку, отбросил ее пока мне в ноги и принялся в несколько слоев развешивать на края кармана влажную одежду: мое белье, штаны, куртку и даже носки! С такой теплой «обогревательной системой», как он, за ночь все наверняка высохнет, да и вообще, не мне быть в претензии, даже если внутри будет немножко влажно. В принципе не представляла себе, что мужчина может быть способен на подобный поступок. Когда он убил того землянина, я испугалась, сейчас же была потрясена до глубины души.

Не обращая внимания на произведенное на меня впечатление, старх, методично все развесив, переложил в свой мешок в изножье кабинки оставленные мною фляжку и дощечку и флегматично уточнил у меня:

– В туалет пойдешь?

Я кивнула в ответ едва ли не на автопилоте. Он тут же отодвинулся и выпрямился в проходе рядом с кабинкой, ожидая меня. Быстро нашарив рукой отложенную рубашку, натянула

ее и спешно застегнула пуговицы. Вылезала осторожно, стараясь по возможности меньше тревожить болезненный участок тела. Обувшись, последовала за молча тронувшимся по проходу стархом.

Когда вернулись, я снова забралась внутрь к стенке кабинки. Думая о том, к чему мне стоит готовиться, наблюдала за тем, как мой владелец раздевается, готовясь ко сну. Вчерашнее последовательное раздевание повторилось до жеста, после чего он влез внутрь кабинки и забрался ко мне под одеяло.

– Хочешь здар? – раздался тихий шепот мужчины рядом.

Я растерялась. Здары – вкусные округлой формы фрукты, пользующиеся популярностью не в одной звездной системе. Тем не менее я их ела пару раз в жизни, поэтому осторожно кивнула. Старх протянул мне фрукт, который укрывал в своей огромной ладони.

– Чистый, – спокойно проинформировал он.

Стараясь не набрасываться слишком жадно, принялась есть. Фрукт был очень вкусным – сочным, сладким и большим! Пока я им хрустела, старх, перегнувшись, что-то искал в своем мешке у меня в ногах. И стоило мне проглотить последний кусочек, скомандовал:

– На живот ложись.

Я настороженно повиновалась.

– Немного пожжет сначала, – спокойно известил он и чем-то прохладным, едва касаясь, смазал мне участки кожи, где ощущалась боль.

Жечь начало сразу. Я даже не удержалась и зашипела сквозь зубы. Тут же на лопатки опустилась широкая и тяжелая ладонь, удерживая меня на случай, если решу дернуться.

– Терпи, – веско прозвучало рядом.

Но терпеть пришлось недолго, почти сразу зуд унялся, сменившись приятной прохладой.

– Через полчаса все пройдет, – порадовал старх ближайшей перспективой и тут же добавил: – Запомни, если я сказал – ты должна сделать. Иволон такого легкомыслия не простит. Еще раз поступишь вопреки моим словам – накажу по-настоящему.

Последним заявлением я очень впечатлилась.

– Поняла? – все так же тихо и сдержанно уточнил он.

– Да, – пообещала я, намереваясь приложить все усилия, чтобы обещание не нарушить.

Старх замолчал, откинувшись на спину и глядя в потолок кабинки. А я лежала на животе, повернув голову лицом к нему, рассматривала его профиль, а еще вдыхала почему-то очень ощущаемый сейчас его собственный запах. И дело не в том, что он был неприятен, просто я впервые поймала себя на мысли, что вот так отчетливо идентифицирую чей-то конкретный аромат. Вид его лица сбоку неожиданно удивил. В скудном свете внутреннего освещения кабинки, когда большую часть лица, особенно выступающий квадратный подбородок и широкие скулы, немного сглаживали полутени, он казался менее отталкивающим. А выглядывающее сейчас из-под волос вытянутое ухо, покрытое шерстинками, и вовсе смотрелось как-то мило и забавно.

Да мне и не важно все это по большому счету. Парень из нашей команды, что забрал меня к себе после смерти отца, был симпатичным, но большего морального уroda я не знала. Время, проведенное с ним, научило меня отличать важное от надуманного. Поэтому постиранное белье и здар значат для меня гораздо больше, чем симпатичная физиономия. А тем более там, куда мы направлялись. На Иволоне внешняя привлекательность точно последняя в списке необходимых мужских качеств. Это даже я понимаю, как и то, что он не будет только давать что-то, не получая ничего взамен. За эту заботу и защиту заплатить придется минимум своим телом. И я готова сделать это, признавая сделку честной.

Резко повернувшись ко мне лицом, перехватив мой изучающий взгляд, старх прищурил поблескивавшие желтым глаза и, словно прочтя мои мысли, спокойно спросил:

– Ты беременела раньше?

– Нет. – Я все же нервно сглотнула. – Мама научила меня, как не допустить этого.

– Мне нужны будут дети, – со значением шепотом и неторопливо сказал он. – Хотя бы двое.

Я прикрыла глаза, опустил ресницы и давая понять, что приняла его заявление к сведению.

Старх осторожно коснулся моей спины и уже с небольшим усилием провел ладонью ниже.

– Больно?

На мгновение малодушно захотелось сказать «да!», но я понимала, что не имею на это права, поэтому честно прошептала в ответ:

– Нет.

– Переворачивайся.

Я подчинилась.

Когда улеглась на спину, он стянул с нас одеяло и отбросил его в ноги. Я отчетливо увидела, что он уже более чем готов сделать меня беременной прямо сейчас. Но тут же сообразила, что сейчас вряд ли что-то получится, – не тот период.

Немного развернувшись, он положил поверх моей ноги свою, притиснув так, что дергаться или сопротивляться было бы бессмысленно. А потом без суеты, неторопливо положил руку мне на грудь. Ладонь оказалась неожиданно мозолистой и шершавой на ощупь. Я непроизвольно задержала дыхание, с внутренним страхом ожидая дальнейшего развития событий. Второй рукой старх подпирал голову, спокойно вглядываясь в мое лицо. Полностью обхватив одну мою грудь ладонью и, немного приподняв, сжал ее. Я настроилась на привычное ощущение боли и вытянула руки вдоль тела, приготовившись впиваться ими в матрас, сдерживая неминуемые крики. Крики боли. Терпеть мне было не привыкать.

Но старх сжал мою грудь совсем не сильно – боли не чувствовалось. Осторожно поперекачивал ее в ладони и погладил сосок большим пальцем. Это шершавое прикосновение неожиданно отозвалось в моем теле приятной волной тепла, заставив замереть от удивления. Старх руку от груди сразу отнял и, глядя мне прямо в глаза, неторопливо сообщил:

– В этом у меня опыт небольшой, так что если будет больно – скажи.

Я потрясенно обмякла. А он с выражением затаенного интереса в глазах провел ладонью по моей груди, потом – по животу, опустился ниже. И это все спокойно, со скрупулезным вниманием и без суеты. Ненадолго накрыв меня там ладонью, раздвинул пальцами и скользнул внутрь. Сразу решительно и глубоко и сразу тремя пальцами, заставив зашипеть от... совершенно неожиданного приятного ощущения. Старх замер и вопросительно на меня взглянул.

– Все нормально, – через силу выдавила я, чувствуя, как почему-то ослабели и начали подрагивать ноги.

Задумчиво помедлив, отчего я непроизвольно качнулась сама, инстинктивно стремясь ощутить внутри себя движение, он убрал руку.

– Смажу тебя, – сказал мне негромко, – на случай, если пораню: быстрее заживет и легче тебе завтра будет.

В необходимости последнего я была уже не уверена, поскольку почувствовала, что и так начала влажнеть, пока глубоко внутри, но... раньше со мной и этого не случалось. Старх, быстро обмакнув пальцы в свою универсальную мазь, вновь скользнул ими в меня и снова сделал это решительно и быстро. Я опять непроизвольно дернулась, ощутив сразу возникшую от его движения ноющую тяжесть внизу живота. И тут же подалась бедрами вверх и потерлась собой о его запястье, чем только усилила требовательный зуд внутри.

А мужчина, тщательно и методично обрабатывая все мои внутренние складочки, смазывал меня своей мазью. Пальцами в матрас в процессе этого я все же впиалась, пытаюсь сдержать

крик. Только не боли. Вернее, боль ощущалась... Но другая – жаждающая, нетерпеливая, требовательная. Она нарастала, вынуждая меня хотеть его глубже и теснее.

– Готова? – Старх уже поставил одно колено между моих раздвинутых ног, нависая сверху.

– Д-да, – с трудом сдерживая себя, прошептала в ответ я и, подняв руки, обхватила его широченные плечи.

– Постараюсь не больно, – тоже уже натужно прошипел старх, наконец-то окончательно сближаясь со мной.

Он крупный очень, конечно. Но я, сосредоточившись на себе только там, в месте нашего соединения, ощущая небывалый прилив крови и обострившуюся чувствительность, плавно раскрылась под его напором до максимума, обхватывая его ногами. И все! Как только он оказался во мне полностью, от первого же небольшого движения меня накрыло множеством непривычных ощущений, совершенно отключив от реальности.

Ладонь старха резко взметнулась, закрывая мне рот, не позволяя закричать в голос. И я с благодарностью впилась в нее зубами, гася таким образом свой порыв. Пока меня сотрясало волнами натуральной дрожи, которая зарождалась где-то в животе и прокатывалась по телу до самых кончиков пальцев, ослабляя совершенно, он не шевелился, наблюдая за моим лицом.

Когда меня все же отпустило, позволив телу безвольно и обессиленно обмякнуть под ним, старх, убедившись, что трясет меня не из-за паники, начал двигаться сам. Размеренно, убыстряясь с каждым движением, под конец уже не думая обо мне, с силой обнимая и просто мощно вжимаясь в мое тело!

Но и я с дикой потребностью в этом напоре отвечала на его толчки, вскидываясь навстречу. И вновь задрожала, и снова он зажал мне рот ладонью, удерживая крик, который перебудил бы всех вокруг...

Ощущение слабости было невероятным. Я просто лежала, прикрыв глаза и тяжело дыша, пыталась унять все еще подрагивающие ноги. Так томительно хорошо и приятно мне не было никогда. Накатила волна сонной лени и удовлетворенной расслабленности, заставившая просто прикрыть глаза и погрузиться в сон. Но, даже засыпая, я особенно остро ощущала рядом разгоряченное мужское тело, его невыразимо родной аромат.

Глава 4

Сценарий вчерашнего утра повторился. Старх разбудил меня осторожным потряхиванием за плечо с целью выяснить, не желаю ли я составить ему компанию в естественном утреннем походе. Сразу решив, что лучше куда-либо ходить под его охраной, сонно кивнула. Пока еще пару минут полежала, окончательно пробуждаясь и потягиваясь, осознала, как я спала... На его плече! Вплотную прижавшись к мужской груди и обнимая его за талию! А еще... моя нога была удобно закинута на его ногу!

Поперхнувшись от ужаса, перестала дышать и медленно-медленно постаралась отодвинуться. Почему-то хотелось сделать это незаметно, но... как это осуществить? Поэтому, поймав на себе взгляд сразу отреагировавшего на мои настороженные потуги старха, смутилась и суетливо начала собираться.

Если вдуматься, выходит, что я подсознательно ему доверять начала? Или бояться перестала? Но сразу честно себе призналась, что это только во сне и, возможно, от усталости. Хотя после этой ночи появилась надежда, что теперь таковые для меня перестанут быть жутким испытанием. На данный момент получалось: что бы ни ждало в будущем – оно будет лучше прошлого.

Как я и предполагала, развешанная вчера влажная одежда за ночь высохла совершенно. Мало того, старх ее еще и починить успел! Так что одевалась с удовольствием, снова испытывая огромную благодарность к этому пугающему меня мужчине. Пока натягивала на себя одежду, старх, полностью одетый, выбрался из кабинки и ждал меня в проходе рядом. И вдруг, словно вспомнив о чем-то, дернулся и полез в карман своей куртки.

– Витара, – негромко, но четко произнес он, не привлекая внимания других проснувшихся пассажиров, – вот, забыл, это было в кармане твоих штанов.

И протянул мне что-то крошечное, завязанное в кусочек ткани. Недоумевая относительно того, что там могло быть (ведь при задержании абсолютно все изъяли!), осторожно взяла и развернула узелок. Поразительно, но его находкой оказались пять семечек твоих. Наверное, когда-то ела ее и засунула огрызок в карман. Потом огрызок выбросила, а семечки забились в шов... Но как можно было их обнаружить – я сама сколько раз одежду стирала и не подозревала об их существовании! Да и зачем они? Но в данных обстоятельствах выкинуть семечки было как-то некрасиво, поэтому узелок с ними снова запихнула в карман. При этом, не удержавшись, бросила на старха вопросительный взгляд.

– У них запах очень необычный, незнакомый, – пояснил он, верно истолковав выражение моих глаз.

И точно, про обоняние стархов я что-то слышала. Отец как-то упоминал при мне... Вот только что, точно не помню. И вообще... Внезапно подумала, что я не только о стархах мало чего знаю, я элементарного не представляю – имени мужчины, с которым делю постель!

Когда уже шли в сторону санитарной зоны, пользуясь моментом, пока он внимательно следил по сторонам и не смотрел на меня, уточнила:

– А к-как тебя зовут? – И только сказав, сообразила, что прошептала вопрос почти беззвучно, а вокруг стоял шум проснувшегося звездолета.

– Гайвридаил, – четко прозвучало в ответ.

Первым делом удивилась – услышал! А потом... Как?! Да как это имя хотя бы выговорить, не то что запомнить! О фамилии решила не спрашивать: с утра столько потрясений не осилить.

С туалетом управились быстро, старх проводил меня обратно и наказал ждать внутри кабинки, пока он завтрак принесет. Причем опять еще и закрыл меня. Сидя в кабинке, вновь скатала матрас и убрала подушки. А потом решила попытаться хотя бы руками волосы разо-

братъ. Что там творилось! Вчерашние колтуны стали чистыми, но за ночь несколько не распались. Пришлось едва ли не раздирать их руками, пытаясь хоть как-то привести себя в порядок. Под это занятие и думалось неплохо.

В первую очередь озадачилась вопросом: куда он исчезает днем? Я тут отсыпаясь, а вот чем занят старх – не знаю. Опять же надо узнать, кто он: чем занимается, что ждет нас на Иволоне?

Заскрипел ключ, и, отодвинув крышку кабинки, появился присевший на корточки Гайвр... в общем, старх! Пристроив с краю на днище кабинки вчерашнюю дощечку, снял прикрывавшую сверху тряпицу. На завтрак обнаружился хлеб и четыре крупных яйца.

– Ешь, – кивнул он мне, и я сразу поспешила подчиниться.

– А еду тут раздают специально? – Раньше я на пассажирских кораблях не летала, поэтому таких подробностей не знала.

– Если кто желает, можно ее купить, да. Тут есть раздаточный пункт, там готовят. Но большинство предпочитает свои взятые в дорогу запасы, – пережевывая, пояснил мужчина. – У меня они тоже есть, но тебе вряд ли подойдут.

Я подавилась. Решила стать ему полезной, по возможности не быть обузой, а тут сплошные траты: душ, теперь еще и еда, как выяснилось. И как я сразу не поняла?! Откуда бы еще вареное мясо взялось – ведь не солонина и не сушеное! Быстро положив обратно второе яйцо и недоеденный ломоть, прошептала, уткнувшись взглядом в коленки:

– Я наелась, а это пусть на обед останется... И я... не думайте, мне привычно есть и вяленое, и сухари, и синтетическое... – Да, в моей жизни были периоды, когда месяцами приходилось на одних синтезаторах перебиваться (правда, живот тогда от этих таблеток болел адски...).

– Ешь! – И таким тоном сказал, сопроводив таким яростным взглядом желтых глаз, что я в ужасе стремительно ухватила за недоеденный кусок и вгрызлась в него зубами.

И все – никаких тебе пояснений или комментариев. Старх продолжил невозмутимо жевать с таким видом, словно минуту назад не выглядел жутко злым и опасным, готовым едва не убить!

– Ты себя как чувствуешь? – услышала я пусть и тихий, но совершенно неожиданный вопрос, поэтому отважилась на непонимающий ответный взгляд.

– Не больно нигде? – немного неуверенно пояснил свой предыдущий вопрос старх.

И тут до меня дошло, о чем он беспокоится.

– Нет, нет! – Для убедительности я еще и головой завертела.

– Ты, пока летим, спи больше, отдыхай. На Иволоне так не получится, – спустя паузу добавил мужчина, купивший меня.

Я решила воспользоваться моментом и, не поднимая глаз, пробормотала:

– А вы? Чем вы заняты днем? Может быть, я смогу помочь? Спать круглые сутки невозможно.

Старх как-то недоуменно качнулся на носках согнутых в коленях ног и предложил:

– Если хочешь, пошли со мной – сама посмотришь.

Конечно, я согласно кивнула – очень интересно узнать о его времяпрепровождении! Пока мы доедали завтрак и допивали воду из фляжки, заметила, что вокруг как-то нехарактерно пусто: мимо никто не проходил, а пассажиры соседних кабинок отошли подальше. Видимо, вчерашний инцидент впечатлил не только меня – нас определенно сторонились. Вернее, сторонились старха. Но он, казалось, не обращал ни на кого внимания вообще, находясь в таком характерном для него, по моим наблюдениям, состоянии безмятежного спокойствия. Неожиданно заметила, что он, немного склонив голову к плечу, рассматривает меня. Сразу вспомнила про волосы и представила, как смотрюсь со стороны. Покраснев, я пролепетала:

– Расчески нет.

– Хочешь мою? – спокойно предложил старх.

Я благодарно кивнула:

– Спасибо! И за одежду тоже! И за... остальное. – Я все же отважилась выразить то, что переполняло душу, и робко добавила: – Вы... очень хороший.

Он никак не отреагировал, и я, набравшись храбрости, все же взглянула на его лицо: выглядел он очень удивленным.

Расческу я получила тут же. Старх нырнул в свой необъятный мешок и, покопавшись внутри, протянул мне столь вожаденный предмет. Расческа была под стать владельцу: деревянная, потертая жизнью и с редкими крупными зубцами – основательная, одним словом. Но главное – была! С благодарным взглядом приняв столь необходимую вещь, быстро сунула ее в карман. Задерживать сейчас его не хотела, но, как только появится возможность, приведу волосы в приличный вид.

Заперев нашу каabinку, старх двинулся к выходу из пассажирского отсека, увлекая меня за собой. Ощущать свою ладошку в его сильной грубой руке было необъяснимо странно. Так меня никто не водил, и пусть подобная манера передвижения объяснялась тем, что маршрут мне неизвестен, но ощущения заботы и какого-то единства не умаляла. Меня вообще мало кто касался просто так, ради помощи.

Шли мы довольно долго, преодолев не один пролет, прежде чем я поняла, что мы оказались в грузовой части корабля. И совсем уж не ожидала увидеть здесь капитана. Вчерашний спаситель появился неожиданно для меня, вынырнув из бокового перехода. Но, кажется, испуганно вздрогнула при его появлении только я – оба мужчины отреагировали на встречу сдержанно и спокойно.

Но когда капитан, бросив на меня быстрый взгляд, поприветствовал: «Доброго дня, теса Тшехар», – и вовсе изумилась. Неужели это и есть фамилия моего спутника с непроизносимым именем? И тогда... получается, насильственный брак считается действительным? Иначе с чего бы капитану так меня называть? Но с вопросами и своими выводами решила не лезть, понимая, что сейчас не до этого. Капитан присоединился к нам, шагая рядом.

– Рид, ты обдумал? – Это капитан что-то выяснял у моего... мужа.

Ого! К огромному облегчению, поняла, что имя поддается уменьшительной трансформации.

– Да. Не в этом году, точно. Пока сложно будет выжить такому большому количеству, – без суеты и торопливости ответил мой старх.

– Но в следующем примешь? – настаивал капитан.

– Если переживем зиму и справимся, да! – В ответе прозвучало уверенное обещание.

Это, видимо, удовлетворило капитана, поскольку, почему-то только мне кивнув на прощанье, он отстал и развернулся назад. А мы со стархом подошли к дверям стандартного грузового ангара. Мой спутник ввел код, активирующий отпирание двери.

– Тут мой груз, – лаконично пояснил он, – который требует ухода.

Я сразу же расслышала странные звуки внутри. Но поначалу, когда вошла в ангар, поразила его наполненность. Практически все пространство небольшого склада от пола до потолка было заставлено коробками, тюками и контейнерами любого размера. Столько всего разом я не видела даже в лучшие времена пиратского корабля, на котором выросла, когда запасы делали на полгода. Транспортировка такого огромного количества груза космолетом, да еще на большое расстояние... Да, понятно, почему у него осталось только на спальную каabinку. А теперь еще и меня приходится кормить...

И снова эти звуки. Обернувшись в сторону источника шума, производимого явно живыми существами, обнаружила в уголке... трех риданских оленей!!! Я была наслышана о них, так как их рога считаются огромной ценностью на просторах межгалактического содружества и возможность заполучить их – большая удача. Но живую видела впервые. Эти живот-

ные обитали на Ридане – планете в соседней звездной системе, причем обитают в повсеместно распространенных там подземных пещерах. Но зачем везти их на Иволон?! О том, как они вообще тут появились, я даже не думала. На Ридане тепло даже под землей. А на Иволоне... И корм?! Чем кормить животных, даже если удастся их довести?.. Впрочем, мой личный опыт общения со зверьем исчерпывался виденной когда-то ручной птицей...

Озадаченно осмотрев оленей, я повернулась в сторону старха. Он деловито вынимал из ближайшего контейнера странные плоские лепешки разной величины. Нагрузив их целую охапку, подхватил ее и понес к загончику. Олени, нервно косясь и фыркая в моем направлении, при приближении старха с тяжелой ношей начали беспокойно переминаться на месте.

Тот, подойдя вплотную, свалил принесенные лепешки рядом с животными и распределил их равномерным рядом.

– Сядь на ящик. – Не оборачиваясь, махнул он мне рукой.

Вопросов в голове крутилось столько, что ноги не выдерживали этого груза. Устроившись на ящике, вытащила расческу, решив между делом и себе полезное сделать.

– Зачем вам олени? – уточнила первым делом я.

– Везу на Иволон, – успокаивающе поглаживая животных, неизменно спокойно пояснил очевидное старх.

– А дальше? – Я затаила дыхание.

– Есть планы на их счет. Что выйдет – посмотрим, – подойдя ко мне, ответил мужчина.

– А пола они какого? – Меня снедало любопытство.

– Две самочки и самец.

Присмотревшись, я поняла, что самец – тот, мощный, с грозными рогами. Продолжая раздирать колтуны на голове и пользуясь возможностью хоть немного прояснить будущее, уточнила:

– Так на планете же очень холодно, да? Как там теплолюбивые олени выдержат? И еда для них? – Жестом указав на контейнеры, я добавила: – Ее завозить надо? На Иволоне же ничего не растет.

– Выдержим мы – выдержат и олени, – твердо заявил мой неожиданный муж и, вытащив из приоткрытого контейнера какие-то шкуры, стал что-то с ними делать. – Пока летим, чтобы не терять времени, взялся тебе теплую одежду сладить, – пояснил он в ответ на мой любопытный взгляд.

Меня снова накрыло непередаваемым чувством – какая забота!

– Там очень холодно? – тихо спросила я.

– На поверхности – холодно даже для меня, – невозмутимо прозвучало в ответ.

Нордический характер! Для меня тогда гарантированная смерть, если этой «тепловой системе» там холодно.

– Как тогда там жить? – Мой голос непроизвольно дрогнул.

– Поначалу сложно будет, какое-то время вообще придется проситься на постой к чужим, но надо будет перетерпеть немного: ты в голой пещере ночевать не сможешь. А потом и сами обустроимся.

– К чужим? – Сердце в тревоге сжалось.

– Ну, не совсем – они тоже стархи. Только не наши. – Гайвридаил (вспомнила!) поморщился. – Но потерпим немножко. Мы постараемся как можно скорее все обустроить.

Я кивнула, мое мнение в любом случае роли не играло.

– Кто из твоих родителей стархом был? – неожиданно прозвучал его вопрос.

Я на некоторое время выпала из разговора, заглядевшись на неожиданно ловкие движения огромных ладоней, которые, уверенно протыкая шкуру, продергивали в образовавшееся отверстие крученный ремешок и, закрутив его в узелок, подрезали, соединяя в единое полотно куски меха. И все так споро и быстро.

– Отец.

– Из какого потока он был?

Недоуменно пожала плечами.

– Я не знаю, он ничего о себе не рассказывал никогда. Я и про то, что он старх, всего однажды от мамы слышала, – честно призналась я и, решив, что должна предупредить его, прошептала: – Во мне от старха ничего нет, я в маму пошла.

– Есть, не сомневайся, – уверенно возразил он. – Кровь себя еще покажет, когда время придет. И если вдруг спросят, знай, что теперь ты относишься к потоку левиоров.

– А что это означает? – Определенно никогда не слышала этого названия.

– Живущие будущим.

Яснее определенно не стало, но буду узнавать все постепенно.

– Тшехар – это фамилия? – Мысль тоже не давала покоя.

– И да, и нет. Но ты можешь носить ее с гордостью, – категорично заверил он меня.

Погрузившись в размышления о странностях собственного мужа, о том, что ждет в будущем, наблюдая за его работой, не заметила, как вычесала все свои волосы, избавившись от колтунов.

– У тебя они красивые.

Я пораженно застыла, услышав эти слова. Кажется, никто, кроме мамы, не говорил мне подобное, не называл что-то во мне красивым.

– Спасибо, – прошептала в ответ я, потупившись.

Нет, не в красоте счастье. Вот сейчас, видя его при ярком освещении, однозначно понимала – некрасивый, страшный даже. Но сердце воспринимало его иначе – наполнялось трепетной теплотой и радостью при взгляде на этого мужчину, который не был жесток и безразличен по отношению ко мне. Повезло, что он появился в моей жизни. И в конце концов, он в чем-то прав. Если у оленей есть шанс там выжить, то почему не смогу выжить и я?

Глава 5

Последующее до прилета на Иволон время пролетело быстро. Теперь я каждый день уходила вместе с мужем в грузовой ангар, наблюдала за тем, как он ухаживал за оленями, как работал. А сделал он за это время очень многое. Для меня, привыкшей видеть бездельничающих в свободное от рейдов время мужчин, такое трудолюбие выглядело дико. В первую очередь старх смастерил мне широкое меховое «платье» ниже колен с длинными рукавами и с капюшоном, а также свободные штаны под него. Причем вся одежда была мехом внутрь! Еще сшил большущий меховой мешок. Но со всем этим Старх справился за два неполных дня. А потом он мастерил деревянную посуду и какие-то незнакомые предметы, а мне – расческу! Дерево тоже имелось среди обширных запасов моего неразговорчивого мужа.

Мне очень хотелось узнать о будущей жизни, но на большинство вопросов он отвечал или слишком обобщенно, или заявлял:

– Чего об этом говорить – сама же все увидишь.

Так что мне оставалось лишь пылать неудовлетворенным любопытством. А вот меня старх, наоборот, охотно расспрашивал, но тут тоже для диалога ситуация сложилась безнадежная. Я бы и рада была рассказать, но что-то плохое или незначительное не хотелось, а другого практически не было. Поэтому на большинство его вопросов я также отвечала или односложно, или максимально обобщенно.

Ежедневно и даже не единожды к нам заглядывал капитан. Он очень интересовался состоянием оленей и планами моего супруга. Олени по существу вопроса чаще безмолвствовали, а Рид (я для себя переняла манеру обращения капитана к моему мужу) тоже не вдавался в подробности. Но капитана это не смущало: по моим наблюдениям, он тоже не отличался разговорчивостью. Поэтому они порой не столько переговаривались, сколько переглядывались и многозначительно молчали, наводя меня на мысль, не мешает ли им мое присутствие. Когда я решила спросить об этом своего старха, тот нахмурился и четко сказал:

– Мне спокойнее, когда ты на глазах. А поговорить обо всем важном мы уже успели.

Продолжая переживать относительно затрат на мое питание, на второй день пребывания в ангаре осторожно поинтересовалась: не могу ли и я быть чем-то полезной? И тогда меня приспособили к делу, но с настоятельной рекомендацией через силу не надрываться и делать произвольные перерывы на отдых. Моей задачей стала рассортировка по мешкам каких-то крупных сушеных плодов: в каждый мешок следовало отобрать по трехлитровому ведру этих плодов из общего огромного контейнера, который был забит ими до самого верха. Для работы выдали тканевые перчатки, которые потребовали обязательно надеть.

– Это бобы, – пояснил Рид. – Они растут на Земле и очень ценны своей питательностью и хорошей сохранностью.

Теоретически к Земле я имела больше отношения, но о бобах никогда не слышала.

– А зачем их сушат? – искренне удивилась я. – Почему не в виде концентратов?

– Так выходит дешевле и полезнее в итоге, – пояснил муж. – Они сами по себе отлично хранятся, а когда делают концентраты – добавляют химический консервант. У нашей расы такая пища непопулярна, она считается вредной. Есть, конечно, можно, но с сильного голода.

Странно, везде концентраты считались самым распространенным способом создания запасов, а стархи их не признавали. Но ему виднее, что там, на Иволоне, предпочтительнее.

Так и получилось, что я старательно наполняла мешочки, наблюдая то за работающим мужем, то за оленями. Обратила внимание, что все их отходы старх не отправляет в утилизатор звездолета, а заполняет ими те контейнеры, что освобождались от оленьего корма. И еще очень поразил один факт. Вода, которую он наливал им для питья, тоже была среди запасов.

Техническую воду звездолета он для этих целей не использовал. На мое удивление по этому поводу пожал плечами и заявил:

– Мне надо их живыми довести.

Старх тоже посматривал на меня, меряя взглядом и хмурясь. Всякий раз, поймав такой взгляд, я начинала волноваться. Но вскоре все прояснилось.

– Витара, что из самого необходимого тебе нужно?

Неожиданный вопрос! Порадовал сам факт проявленной заботы, но вот что ответить? По сути, на данный момент я была обладателем одежды, которая на мне, расчески и мехового комплекта! И где он сейчас еще что-то возьмет? И траты опять же... Вряд ли он располагает большими средствами, после того как закупились по максимуму. Поэтому озвучила самый необходимый минимум:

– Одежда нательная, чем зубы чистить, мыться... – Сказав это, неожиданно испугалась. – А мыться там возможность будет?

Муж кивнул. Я с облегчением выдохнула.

– И все, если еда и крыша над головой будут, – неуверенно завершила список.

– А что для твоих женских надобностей? – уточнил Рид.

Мысленно треснув себя по лбу за недогадливость, поразились продуманности подхода старха.

– Ткань, наверное, нужна, – неуверенно добавила я, хотя подобным средством никогда не пользовалась.

– А что обычно использовала? – невозмутимо уточнил муж.

– Впитывающие хлопковые присоски, – смутившись откровенности вопроса, пробормотала я.

Старх спокойно кивнул и отправился за обедом. Несмотря на все мои уверения, что я смогу есть то, что он взял в дорогу, пищу он мне неизменно покупал свежеприготовленную.

А я теперь на время его отлучек оставалась запертой вместе с оленями на складе. Причем в компании мирно жующих и спящих оленей мне было спокойно и нескучно. По крайней мере не грозили ничьи домогательства.

В тот раз муж отсутствовал гораздо дольше обычного. Я уже начала волноваться, когда он наконец вернулся с едой в сопровождении капитана и еще двоих членов команды звездолета, нагруженных коробками. Коробки оставили возле входа, еду отдали мне, а стархи отошли в дальний угол и принялись что-то активно, но очень тихо обсуждать. Сообразив, что там третий явно лишний, и успокоившись при появлении мужа, принялась за еду. Для надежности, чтобы не смущать мужчин ненужным вниманием, развернувшись к ним спиной. Пусть обсуждают свои секреты.

На обед было мясо, земная цельная картошка в количестве шести штук и здар. Я отметила, что за все время на звездолете не ела ни одного концентрата! Видимо, их непереносимость стархами – реальный факт. Но раз капитан корабля тоже старх, то ясно, откуда тут такое количество натуральных продуктов. А может быть, и вовсе эта еда не из общего раздаточного пункта, а с капитанского стола? Потому-то Рид за ней всегда сам ходит и меня с собой не берет...

Пока я, с аппетитом пережевывая, размышляла о насущном, мужчины пришли к консенсусу и, очень довольные друг другом, разошлись: капитан отправился на выход, а мой муж – ко мне составить компанию за обедом.

– Витара, – с довольным видом сказал старх, – в основном всем необходимым обеспечить тебя удалось!

Ошарашенно переведя взгляд на две большие коробки, не поверила своим глазам. Если там присоски, то я обеспечена пожизненно! Идти и смотреть было откровенно страшно, поэтому решила поверить старху на слово.

– Спасибо, – все еще потрясенно пробормотала ему и тут же уточнила: – А во сколько все обошлось? Дорого?

– Нет, мы договорились о другой форме взаиморасчета, – потирая руки в предвкушении еды, сообщил муж.

– А... откуда тут взялось женское? – Про количество добавить постеснялась, но он и сам понял.

– Капитан тоже женат. – Сказано это было таким многозначительным тоном, словно объясняло все.

Возможно, кому-то и объясняло, но не мне! Но, смирившись, решила, что впереди будет время обо всем разузнать.

Не считая этого эпизода, оставшиеся дни путешествия были спокойными и умиротворяющими. Днем – несложная работа под мерный шорох животных в обществе старха, а ночью... Ночи стали моим любимым временем суток. Каждое утро, пробудившись, благодарила все высшие силы за то, что послали мне такого чуткого мужчину, а еще добрым словом вспоминала рябую сокамерницу, что надоумила на этот судьбоносный выбор. Надеюсь, и ей судьба улыбнулась.

Старх с неизменным постоянством перед сном озабочивался выполнением своего мужнего долга, причем в обязательном порядке предварительно заручившись моим согласием. Я очень смущалась, но согласие каждый раз давала. Мой предыдущий опыт ограничивался одним мужчиной и был безрадостным. Старх же поражал меня заботливостью, терпением и выдержкой. У нас даже возник маленький ритуал.

Каждый вечер, возвращаясь после ужина и посещения санитарной зоны к нашей спальной каabinке, раздевались по очереди. Сначала внутрь забиралась я, стягивала куртку и штаны, расстилала постель, потом раздевалась полностью и отодвигалась к стенке, прячась под одеяло. Муж на третий день нашей семейной жизни объяснил мне, что у стархов супруги спят рядом только полностью раздетыми.

– Жена под одеяло к мужу в одежде не ложится, – предупредил он меня.

Мелькнула паническая мысль о морозе, но выяснение подробностей решила отложить до момента первой ночевки на Иволоне.

Так что теперь каждый вечер перед сном я раздевалась донага, а потом, все еще смущенно отводя взгляд, наблюдала, как готовится ко сну старх. Всегда неизменно спокойно и деловито. Меня поражал тот факт, что, будучи так непривлекателен лицом, Рид обладал невероятно красивым телом. Мощные плечи, сильные и пропорциональные руки и ноги, поджарый живот. Особенно мой взгляд притягивали курчавые волоски на груди – такие же мягкие на вид, как и на ушах. Очень хотелось потрогать их, но отважиться не могла. Вообще, инициатива супружеской близости пока исходила только от старха, проявлявшего очевидное желание и уверенное постоянство.

Так, забравшись ко мне под одеяло, осторожно сильными руками, предварительно скользнув ладонью по животу, обхватывал меня за талию и, склонившись надо мной, тихонько спрашивал:

– Можно?

Как правило, к этому моменту от ощущений, вызванных прикосновениями к моей коже его грубоватых рук, у меня уже перехватывало дыхание, поэтому просто молча кивала. А он ночь за ночью занимался изучением моего тела. И в его руках я чувствовала себя очень стройной, легкой и... непривычно значимой. Большие ладони старха могли свободно обхватить мою талию, причем, обнаружив этот факт, муж что-то проворчал насчет моей недокормленности, но снова и снова продолжал так меня касаться. Ему явно нравилось ощущение моей хрупкости, абсолютной принадлежности ему. А мне тоже было приятно собственной кожей осязать его шершавые ладони, обхватывающие и осторожно поглаживающие меня. Я выгибалась дугой,

способствуя этому захвату, чем он пользовался, перемещая руки дальше под меня и поглаживая спину. Вообще, успокаивающие поглаживания были ему свойственны, еще с оленями заметила. Но в моем случае присутствовал элемент нежного исследования. Если он замечал, что касание в каком-то месте вызывает у меня стон или довольный вздох, обязательно повторял прикосновение, и не раз, беря себе на заметку.

Очень нравилось старху касаться и моей груди, которую он невероятно нежно приподнимал, немного сжимал и поглаживал загрубевшими пальцами. Меня эти осторожные шершавые прикосновения его пальцев просто сводили с ума. Не думала о том, что такая простая ласка настолько чувственна. Каждый раз, как он добирался до груди, меня сразу пробирало восторженной дрожью, а внизу живота начинало томительно тянуть в предвкушении дальнейшего.

В кабинке вдвоем было не очень удобно и тесновато, без особенного простора для маневров, но даже самые простые ласки моего громадного мужа доставляли огромное удовольствие. Каждый раз, прежде чем осторожно сблизиться со мной, он медленно проникал в меня рукой, удостоверяясь, что его ждут и очень рады. Обнаружив меня влажной, довольно хмыкал и терся лбом о мою грудь и живот, обнимая сильными руками за бедра, бормоча мне, что я хорошая жена и что ему очень повезло со мной.

По части комплиментов опыта у него определенно было немного. Но у меня сердце замирало от того, как он, смягчая тон, особенно акцентируя раскатистое «р-р-р», говорил это «хор-рошая». Руки сразу сами взлетали вверх, обнимая его плечи, лаская их, прижимая теснее.

В любви он никогда не спешил, до определенного мгновения делая все без суеты и резкости. Своим огромным телом владел в совершенстве, поэтому ни разу не было случая, чтобы он где-то прижал или придавил меня, причиняя боль.

Мое тело тоже с каждым разом все увереннее принимало его, подстраиваясь под размер и наполняясь без остатка. И вот тогда он менялся.словно отпуская поводья выдержки, преобразался, становясь порывистым и быстрым. Мне хватало всего лишь нескольких сильных толчков, чтобы по телу побежали волны удовлетворенной слабости, а сознание исчезло в тумане приятнейших ощущений. Как правило, его последнее сильнейшее движение я встречала уже в расслабленном опустошении удовольствия, кусая его ладонь, сдерживающую мои стоны.

Старх каждый раз умудрялся одновременно лишить меня всяких физических сил и наполнить желанием жить и радоваться дальнейшему. Осторожно развернув мое, еще подрагивающее от напряжения супружеской близости, тело на бок, плавно обвивал своей лапищей мою талию и, прижав к себе, баюкал. Так мы и засыпали. И мне даже чудились робкие прикосновения его губ к моим волосам.

И каждое утро в последние дни я просыпалась одна. Не знаю, как он умудрялся выбраться из кабинки, не разбудив меня, но факт оставался фактом: он давал мне возможность поспать подольше. После первой панической реакции я начала наслаждаться этим временем. Еще в ленивом полусне, перевернувшись на живот и подмяв под себя одеяло, обнимала руками его подушку, впитывая его аромат, и расслабленно валялась еще с полчаса. Пока Рид не приходил за мной, чтобы проводить в туалет и забрать с собой на склад, где я и завтракала.

Именно эти дни полета к Иволону стали самыми счастливыми в моей жизни днями. Такого душевного комфорта и расслабленного спокойствия я не испытывала, кажется, никогда раньше. Поэтому день прибытия на ледяную планету помимо очевидного волнения и тревоги вызвал затаенную грусть. Да и страшно было... Перспектива вечной темноты и суровейших морозов (с точки зрения человеческого восприятия таково существование в северных пределах!) невероятно пугала.

Глава 6

Прибытие космолета на Иволон почувствовали все. Несмотря на отличную нагревательную систему космолета, внутри ощутимо похолодало. Этим утром муж разбудил меня сразу и, выдав приготовленные им с вечера теплые одежки, велел одеваться в его присутствии, ведь поспать потом можно будет еще, а без него я замерзну под одним одеялом.

Поэтому, неловко изгибаясь в кабинке, из которой уже выбрался муж, начала надевать облегающие теплосохраниющие колготки и футболку с длинными рукавами и высокой горловиной. Поверх, под уверенный кивок старха, пришлось натянуть еще одни колготки, но из странно переплетенных нитей. Старх пояснил, что они вязаные! В жизни не слышала о такой форме утепления! На футболку натянула длинный, явно мужнин теплый свитер, а на ноги – толстые носки. Если прибавить к этому плотную шапку, то общее представление о моей временной «пижаме» получить можно.

– Закутайся в одеяло и пока досыпай. Я через час приду, принесу завтрак и провожу тебя в туалет. А пока мне надо подготовить животных к выгрузке, – непреклонным тоном известил старх о ближайших планах, прежде чем уйти.

Чувствуя себя в своей утепленной многослойной одежке комфортно и тепло, кожей лица ощущала холодающие потоки окружающего воздуха, просачивающиеся снаружи. Завернувшись в одеяло, но спать не получалось. В душе прочно поселилось нервное ожидание. Если внутри звездолета так похолодало, то какая же температура снаружи? И как в этой ситуации транспортировать теплолюбивых оленей? На них же не надеть три слоя колгот и шубу сверху? Шуба смущала особенно, но со способностью стархов к терморегуляции собственного тела термоскафандры, видимо, не были в ходу, да и на мое появление он однозначно не рассчитывал. Каким все же ветром его в изолятор занесло, эх, знать бы... А еще я молча поражалась тому факту, что мужу удалось прямо в космосе раздобыть мне столько теплой одежды.

Время в тревожных раздумьях пролетело незаметно, и, когда старх вернулся, я быстро выбралась наружу. Пока обувалась, заметила, что все пассажиры, натянув на себя все что можно, откровенно мерзли. Сама, резко выдохнув, увидела перед собой облачко пара. Обогревательная система звездолета не справлялась! Ой, что же снаружи творится?!

Пока я копошилась со сборами, старх успел свернуть матрас и собрать в мешок все наши вещи. Мы быстро направились на склад с его грузом, предварительно зарулив в туалет.

– Вита, слушай внимательно, чтобы мне потом тебе не повторять еще раз, – деловито инструктировал меня муж по пути. – Первыми сейчас будем транспортировать оленей, потом ангар разгрузим и перевезем все к себе. Мы с тобой последними отправимся. Тебя пока оставляю у знакомых, но к ночи приеду, так что не переживай. И не болтай ничего лишнего там. Если что будут спрашивать, говори: «Не знаю». Поняла?

Я ответственно кивнула: в любом случае я объективно ничего не знаю, так что даже не солгу. Хотя перспектива остаться у кого-то незнакомого на этом уже отчаянно пугающем Иволоне заставляла сердце тревожно убыстряться, но раз уж судьба так распорядилась, мне остается только следовать ей.

В грузовом отсеке помимо оленей неожиданно для меня обнаружили шестеро незнакомых стархов. Все в таких же утепленных меховых одеждах, какие муж соорудил и мне. И все очень впечатляющие: высокие, желтоглазые, мощные и внешне симпатичные. Они как по команде уставились на крайне растерявшуюся меня и дружно зашевелили носами. Испугавшись явившегося снаружи разгрузочного десанта, я отступила за спину Рида. Но мужчины практически сразу утратили ко мне интерес, вновь вернувшись к занятию, за которым мы их застали. Стархи разворачивали на полу огромные меховые чехлы размером не меньше, чем с нашу спальную кабину. Олени, взволнованные появлением чужаков, от которых ощутимо

веяло прохладой, нервно переминались на месте и косили на пришельцев бархатистыми глазами.

Меня муж проводил в дальний уголок, вручил завтрак и фляжку с водой, рядом положил ту самую меховую одежду, что смастерил в дороге, большую пушистую шкуру и спокойно сказал:

– Тут посиди пока, чтобы не затоптали. Поешь и теплее оденься. Мы сейчас заняты будем, время остановки пролетит быстро, а груза много. Ты должна быть в конце готова к выходу.

Быстро кивнув, принялась за еду, одновременно наблюдая за происходящим. Мой старх тут же отошел помогать соплеменникам. Они быстро расстелили меховые чехлы, потом поочередно накрыли морды животных предварительно пропитанной чем-то тканью, отчего те почти сразу заснули, грузно обмякнув на пол. Стархи животных поддерживали и каждого оленя принимались заворачивать минимум в три чехла. Потом подняли их на платформу специального погрузчика, которым управлял кто-то из команды звездолета, чтобы транспортировать наружу. Больше всего меня поразило, что в каждый меховой кокон помимо оленя в обязательном порядке забрался и один старх. Греть в дороге будет?

В итоге погрузчик с живым грузом, а следом и остальные стархи вместе с моим мужем покинули склад, отправившись транспортировать оленей. Я осталась за главного. К тому моменту с завтраком уже покончила и, чувствуя постепенно пробирающий даже через утепленную одежду холод, основательно завернулась в теплую шкуру.

Внутри ангара шагнул капитан и, быстро осмотревшись, спросил:

– Где Гайвидаил?

– Ушел оленей перевозить, – сказала я.

Старх быстро развернулся и тоже вышел. Отсутствовали мужчины не меньше полутора часов, я уже даже волноваться начала, думая о том, не случилось ли чего непредвиденного. Но, вернувшись, они сразу приступили к перемещению на платформу погрузчика крупногабаритных контейнеров. Капитан и еще двое из команды, тоже стархи, помогали. Таким образом, часа за четыре складской ангар практически опустел.

Те шестеро местных стархов исчезли вместе с последней партией контейнеров, а ко мне подошли Рид и капитан. В руках последний держал уже знакомую дощечку с едой, но передал ее не мне, а мужу, который, в свою очередь, протянул еду непосредственно мне.

– Не замерзла? – сосредоточенно оглядывая по самый нос закутавшуюся меня, уточнил муж.

– Нет. – Я немного раскрылась, чтобы руки оказались снаружи теплого меха, и взяла еду.

– Сейчас отвезут последнюю партию и вернутся за нами, – пояснил свои дальнейшие планы Рид.

Осторожно покосившись на продолжавшего стоять рядом капитана, начала есть. Рид присел рядом и тоже принялся за обед.

– Связь не разрывайте, – очевидно, в продолжение своего разговора наставлял капитан моего мужа. – Если будет сложно – сообщите.

– Да, – кивнул мой старх. – А ты вплотную займись моим заказом.

– Вот как вернемся из рейса, сразу начну, – с очень серьезным видом пообещал капитан. – Ориентируйся на следующий прилет, через полгода доставим. Может быть, вам еще оружия добавить?

Я вся обратилась в слух. За годы жизни на пиратском корабле я освоила не один вид оружия, а также видела множество ситуаций, когда его применяли. Неужели и тут грядет очередное кровопролитие и смерть? За этими мыслями не сразу заметила, что оба старха сразу отреагировали на мою настороженность, замолчав, и сейчас внимательно на меня смотрели. Быстро сглотнув, вновь принялась жевать, отведя взгляд в сторону. Но предупреждающий взгляд мужа в сторону капитана заметить успела.

Больше они не сказали ни слова, но, когда Рид съел свою порцию, отошли в дальний угол склада и неслышно для меня продолжили беседу.

А я, вновь закутавшись в шкуру, погрузилась в сытое тепло и решила заранее не бояться, а просто плыть по течению жизни.

– Витара. – Отреагировав на голос мужа, поняла, что задремала в уголке, убаюканная теплом внутри мехового укрытия. – Пора и нам собираться, через полчаса звездолет улетит. В туалет пойдешь? Или сразу одеваться будем?

– В туалет, – быстро отозвалась я.

Капитан уже ушел, мы быстро сходили в санитарную зону и вернулись на опустевший склад. Рид дал мне очередное вязаное изделие и велел натянуть на голову, оставив прорези только для глаз. Поверх этой защиты для лица на меня надели своеобразный меховой намордник. В ответ на мое недоуменное мычание Рид серьезно сказал:

– Ты с непривычки от первого вдоха простудишься, поэтому дыши через мех. А еще лучше, лицом ко мне прижмись – рядом со мной воздух немного теплее.

Потом я облачилась в свой меховой костюм, чувствуя себя уже совсем многослойной. А вот на ногах остались ботинки. Старх их уверенно снял, натянул еще одни вязаные носки, а поверх высокие и очень мягкие меховые гольфы, на которые выправил меховые штанины.

После этого вновь плотно завернул в теплую шкуру и подхватил на руки. Обзора практически не было. Так, кое-что могла видеть одним глазком. Удерживая меня одной рукой, Рид, тоже надевший меховой костюм и шапку, закинул на плечо мешок с последними вещами и, оглядевшись, пошел наружу.

Момент, когда мы вышли из звездолета, я уловила сразу. Ту незначительную часть лица, что осталась открытой, опалило огнем обжигающего холода. Какое там дыхание?! Я вдох боялась сделать! Недолго думая, уткнувшись в мужскую грудь и зажмурив глаза с мгновенно заиндедевшими ресницами, кое-как через зубы втянула немного воздуха. Жутко холодного! Вся моя многослойная утепленная одежда не спасала. Ощущения «накопленного» внутри звездолета тепла хватило минут на пять. А потом я почувствовала, как кожи начала касаться прохлада. Но хотя бы не такой обжигающий мороз, который ощущала веками, даже уткнувшись в мужскую грудь лицом. Как тут можно выжить?! Единственный раз посмотрев в сторону, увидела бесконечное серебристое мерцание льда в темноте окружающей ночи, немного развеванной габаритными огнями пассажирского звездолета.

Рид передвигался быстро, какими-то неравномерными шагами. Прошло минут пятнадцать, прежде чем я поняла, что мы куда-то протиснулись. Рискнув и немного повернувшись в сторону, сообразила, что мы в каком-то транспортном средстве. Уф! Хотя и тут при дыхании возле губ мужа появлялось облачко пара.

– Замерзла? – Рид куда-то сел, устраивая меня на своих коленях. – Сейчас немного прогреем воздух внутри, потерпи.

Осторожненько отодвинувшись, я осмотрелась любопытным взглядом. Прозрачная четырехместная подвижная конструкция на полозьях. Словно стеклянный куб, который внезапно, стоило Риду коснуться странных выпуклых значков на панели спереди, ожил, прорезавшись множеством мерцающих зеленых вен. Выглядело это фантастически прекрасно – словно яркая подсветка во мраке окружающей ночи. И тут же от стен повеяло теплом. Не жаром, нет. Но дыхание перестало обжигать гортань, и с ресниц закапало подтаявшей влагой.

– Едем!

И мы синхронно с командой мужа достаточно быстро заскользили вперед, стремительно удаляясь от поблескивавшего огнями пассажирского звездолета.

– А воздух тут... – Меня запоздало посетила мысль, что, возможно, дело не только в температуре.

– Атмосфера искусственная и для дыхания подходит, – уловил мою мысль и сразу успокоил старх.

Но где же находятся и как при таких температурах на поверхности функционируют искусственные «легкие» Иволонга?!

Мы стремительно продвигались вперед, следуя известным только старху маршрутом. За прозрачной кабиной терга (так называлась эта машина) была лишь темнота и серебристый туман, клубившийся над оледенелой поверхностью.

Наконец мы остановились. И, прежде чем я успела удивиться отсутствию хоть каких-то признаков жизни вокруг, поверхность под нашим тергом начала проседать, погружая его куда-то под землю. Погружение продолжалось минут двадцать, если не больше, и проходило достаточно быстро, так что я догадалась – мы оказались весьма глубоко под землей.

– Можешь выбирать из шкуры, – пересадив меня на соседнее сиденье, сообщил старх.

Не задумываясь, сделала, как он сказал, осторожно своей мягкой обувью ступая на дно терга. Спуск прекратился, и прямо перед нами открылся тоннель, в который мы и въехали, направляясь дальше.

Еще несколько минут движения, одна за другой отодвигающиеся на пути двери – и вот неожиданно для меня узкий тоннель перетек в огромную залу. Ловко сманеврировав, Рид остановил наш терг рядом с еще несколькими и, подхватив свой мешок и мою шкуру, поманил за собой.

– Не бойся. Владелец этого убежища – мой друг и мне многим обязан, так что вреда тебе никто не причинит. Я проконтролирую разбор груза и присмотрю за обустройством оленей и вечером обязательно вернусь, – быстро шагая вперед, удерживая меня за руку, пояснял Рид на ходу.

– А... это не твой дом? – поспешила я прояснить ситуацию, оглядываясь кругом. И как тут понять, какое время суток, – получается, еще не ночь, а на поверхности темно?

– Нет, тут нейтральная территория. Это убежище. А мой дом еще не готов. Я не планировал так быстро оказаться женатым, – озадачил меня муж. – Но обещаю, что свой дом ты получишь. Мы сейчас усиленно поспешим с обустройством, чтобы скорее перевести тебя. Но пока там холодно.

– Как же олени тогда? – заволновалась я за питомцев, к которым успела привыкнуть в перелете.

– Мои должны были организовать для них все, не переживай.

Перед нами отъехала очередная дверь, из-за которой навстречу шагнул незнакомый старх явно в возрасте.

– Гайвридаил. – Он приветственно кивнул моему мужу и удивленно принялся в моем направлении. – Жена?

Мой старх кивнул и, быстро вытянув меня вперед, отчеканил:

– Руенз, присмотри за Витарой. Мне надо к себе: необходимо многое сделать, чтобы ее перевезти. Приеду ночевать. – И уже мне: – Это мой друг, если что-то понадобится – обращайся к нему.

– Справитесь ли так быстро? – В голосе почтенного старха звучало сомнение.

– Придется. Какие еще есть варианты? – Рид на миг пожал плечами и передал Руензу свой мешок. – Еду и обеспечение привезу вечером. – Развернувшись, он быстрым жестом коснулся моей щеки и, на прощанье прошептал: «Не бойся», – стремительно пошел назад.

Напряженно проводив его удаляющуюся фигуру взглядом, неожиданно поняла, что спокойно себя чувствую, только когда он рядом.

– Витара? – привлек к себе мое внимание новый знакомый. – Идемте в жилой общий зал.

Я кивнула и последовала за стархом. Буду спокойно ждать. Обещали же свой дом...

Мы быстро преодолели еще пару коридоров, отделенных друг от друга мощными дверями. Причем я ощущала все возрастающее тепло. Откуда оно?

– Сейчас сможете раздеться, – понял мои мысли старх.

Мы оказались явно в жилом помещении – большом, метров сто на пятьдесят, зале. В одном конце множество столов и лавок, а с противоположного края в стене виднеется несколько дверей. Одна как раз распахнулась, пропуская внутрь женщину. Впервые увидев представительницу этого народа, испытала острое чувство неуверенности в себе. Высокая и очень ладная стархиня – и фигурой, и лицом ее природа одарила, даже забавно торчащие из волос кончики мохнатых ушек не портят облик.

– Рид вернулся? – первым делом уточнила та у моего спутника. – И кто это с тобой?

– Да, но он сразу к себе уехал. А это Витара – его жена. Она пока у нас будет жить, ему надо для нее дом приготовить: сама понимаешь – куда ее там сейчас...

– Жена?! – Женщина, проигнорировав прочую информацию, стремительно бросилась к нам, заставив меня напрячься. – Откуда?

– Да кто ж знает, – философски заметил в ответ Руенз и, обернувшись ко мне, указал в направлении лавок: – Иди там разденься, сейчас Кривона тебе поесть принесет да попить теплого.

– С чего это я ей еще понесу что-то?! Сама не безногая. – Остановившись рядом, стархиня грозно зыркала в моем направлении глазами. – Что же он, кого поприличнее выбрать не смог?

– Это тебя, что ли? – Мой пожилой спутник хмыкнул. – Да ты сколько ему навязывалась – все без толку. А Витара устала с дороги, так что обеспечить ей теплый прием: она – моя гостья!

На последней фразе в голосе мужчины появилась неожиданная непреклонность, заставившая вздорную стархиню несколько сникнуть, но, когда я двинулась к лавке, возмутиться мне вслед успела:

– Да в ней нашей крови почти совсем не чувствуется! – Прозвучало это так, словно я совсем никчемная.

– Пусть и мало – зато какая! – веско возразил старх.

Глава 7

Значения словам Руенза я не придала, гораздо больше мое внимание привлекло поведение девушки. То, что я ей не понравилась, – ясно. Впрочем, не важно: жизнь научила меня быть эгоисткой и не стремиться очаровать всех встречаемых, но в данной конкретной ситуации мое собственное положение столь шаткое и непонятное, что приходится опасаться любого «вмешательства» со стороны. А тут очевидная конкурентка! И неизвестно, что связывает ее с моим вроде как мужем. Его мотивы, побудившие взять меня в жены, учитывая ситуацию, тоже непонятны. Так что с этой стархиной надо быть настороже.

Чувствуя, что излишне одета для теплого подземного помещения, начала снимать свой меховой костюм: шапку, меховые гольфы и свитер старха. Оставшись в вязаных носках, штанах и его теплой и длинной рубашке, оглянулась в поисках мешка, который Рид передал другу: в нем лежали мои ботинки. Оказалось, что мешок стоит в противоположном конце зала, у стены. Быстро пройдя туда, заглянула внутрь и вытащила свою обувь, а заодно, основательно порывшись, и расческу: волосы под шапкой спутались.

Вернулась к столу, возле которого на лавке лежала моя одежда, одновременно с подошедшей стархиной. Та, все так же недовольно поглядывая на меня, поставила на стол миску с какой-то едой и кружку с питьем.

– Похлебка! – сухо бросила она, развернулась и исчезла за одной из дверей в противоположной стене зала.

Но почти синхронно из-за другой появился Руенз и неторопливо подошел ко мне. Я обрадовалась возможности подкрепиться, прийти в себя, а также хотелось расспросить пожилого старха. Пока с удовольствием ела очень вкусную и наваристую похлебку, он, недолго понаблюдав за мной, неожиданно громко крикнул:

– Кривона!

Дверь, за которой исчезла стархиня, почти сразу распахнулась.

– Почему без мяса похлебка?

Дверь резко захлопнулась. А я, не ожидавшая такого поворота событий, озадаченно замерла.

– Похлебка очень вкусная, бульон наваристый, тут и мяса не надо, – все же нашла я в себе силы ответить.

– Не в мясе дело – это показатель отношения. И мясо на Иволоне есть необходимо, – назидательно, продолжая хмуро поглядывать на захлопнувшуюся дверь, сообщил старх.

В этот момент дверь снова распахнулась, явив нашим взглядам стархиню с деревянной дощечкой в руках. Девушка молча положила мне огромный кусок мяса, от которого уже было отрезано несколько аппетитных ломтиков, и с нескрываемым недовольством удалилась.

– Вздорная, – поморщился старх.

– Это ваша дочь? – осторожно, стремясь сгладить момент, уточнила я.

– Кривона? – Старх явно удивился. – Да ты принюхайся! Какая же дочь? Просто работает тут. На Иволон пока мало свободных женихов привозят, поэтому трудно найти работницу.

– Свободных? – Я насторожилась.

– Незамужних, – пояснил Руенз и тут же спросил: – Ты не среди стархов выросла? Те, что замужем, не идут в услужение: муж должен обеспечивать.

Отрицательно покачав головой, снова принялась за еду. Рид же сказал – не болтать, а говорить о том, где выросла и как с ним встретилась, мне и самой совсем не хотелось. Взгляд, притянутый вкусным ароматом, непроизвольно остановился на мясе.

– А мясо тут откуда? – Вспомнив планету, плохо представляла вероятность существования на ней животных.

– Привозное, – обыденно пояснил старх. – Тут все привозное, кроме гелия. Раз в полгода завозят все запасы.

– И шкуры? – припомнила я меховые костюмы. Но раз мяса местного нет, то и шкур быть не должно...

– Те, из которых верхние костюмы делают?

Я утвердительно кивнула.

– Это с другой нашей планеты – Тильзана, там специальных животных разводят, у них густой и теплый мех. На Тильзане тоже суровый климат. Эти шкуры всякий отправляющийся на Иволон старх с собой берет. Мы искусственные технологии сбережения тепла не используем (зачем напрасно что-то выдумывать?), обходимся возможностями собственного тела. Но тебе бы термоскафандр не помешал... пока.

– А зачем тогда тут жить? – На языке вертелось «обживаться и дома строить», но вслух сказать опять же побоялась.

– Постоянно – имеешь в виду? – уловил мысль мужчина. – Так мы же стархи. Своей изначальной планеты нет, поэтому и остается обживать те, что свободны. А это только подобные Иволону варианты. Нашу расу не зря называют космическими колонистами. Но тяжело это, цены на все, что сюда завозят, колоссально завышены, даже бесценный гелий-3 становится на этом фоне дешевым.

В голове вертелся вопрос о том, почему нет своей изначальной планеты, как такое может быть. Но спросить об этом я не решилась, побоявшись обидеть или задеть за живое.

– А вы его тоже добываете? – Снова оглянувшись, подумала, что совершенно не представляю, как должен выглядеть процесс добычи.

– Я? – Старх снова удивился. – Нет. Стар я для такой работы. Вот, владею убежищем. На жизнь хватает, а копить не для кого: один всю жизнь прожил и детей не нажил.

– А убежище для кого? – Осторожно взяв кусочек мяса, решила не лезть в душу к старику.

– Для всех. Кто пожелает, может тут остановиться. Это нейтральная территория: помощь тут получит каждый, а попытка агрессии будет пресечена своими же. Ибо убежище – это залог выживания на Иволоне. Оно тут пока единственное. А чрезвычайная ситуация на этой планете может случиться с каждым.

– А отапливается все тут как? – Непонятного оставалось еще много.

– Гелий конечно же! И наша типичная энергетическая основа. И синтезатор атмосферы они же поддерживают.

– А... сейчас в убежище никого нет? Или на планете всего несколько стархов? – Ведь не померещились же мне те шестеро, что помогали с разгрузкой.

– Все на работе, к вечеру соберутся. И кто смог, уже сам обустроился – не вечно же жить в убежище? Надо возмещать еду и теплый ночлег. Но тут безопаснее всего.

Перспектива оказаться среди множества незнакомых стархов заставила непроизвольно сглотнуть. Сразу вспомнился муж, вырвавший горло напавшему на меня мужчине.

– Не бойся, Рид к ночи вернется. А ты замужем, и никто не тронет – не принято это у нас, – быстро успокоил Руенз.

– А что за опасность тут, раз в убежище всего безопаснее? – припомнила я отмеченный мною факт. – Мороз на поверхности?

– Мороз не так страшен, ведь мы умеем повышать температуру собственного тела. Но и старх на поверхности без еды и укрытия долго не выживет. А вот желающие разжиться топливом на халяву... – Старх многозначительно умолк, выдержав паузу. – Так что никто в своей шахте от нападения не застрахован. Убежище – как раз то место, где можно укрыться при любых обстоятельствах: и лишившимся собственной крыши, и впервые прибывшим на планету.

– Пираты? – понимающе кивнула я. Знала не понаслышке, что если был способ раздобыть топливо, да еще такое, бесплатно, то никакие жертвы их не останавливали.

– Да, и не только они, – нахмурился старх, но тут же поправился: – Но Рид лучше других защитит. Ты молодец, что его выбрала. И даром, что некрасивый, зато предусмотрительный. Тут это важнее.

Мысленно порадовавшись, что высокий и плотный ворот нательной майки скрывает ошейник, я промолчала. Похлебку я уже доела и чувствовала себя на страшно холодном Иволоне вполне жизнеспособно.

– А гелий-3 где добывают?

– Глубже, он содержится в породе. Там же происходит и механизм ядерного синтеза, в ходе которого вырабатывают чистый гелий-3. Именно выделяемое в процессе тепло нас и обогревает, а сжижают топливо для транспортировки чаще на поверхности планеты – там подходящая температура.

Отметив, что Руенз несколько утомился, пересела спиной к столу и принялась расчесывать волосы.

– А времени сейчас сколько? Получается, сейчас день? – задала последний вопрос.

– Уже почти вечер, через пару часов все начнут возвращаться. Я пойду прилягу, но к нужному времени вернусь, чтобы ты не беспокоилась.

Когда старх ушел, исчезнув за той дверью, за которой наверняка было его личное жилое пространство, я сосредоточенно занялась расчесыванием волос, прислушиваясь к окружающим звукам. В зале появилась Кривона и, быстро подойдя, забрала посуду и дощечку с мясом, но не ушла. Приблизившись вплотную ко мне, некоторое время или приглядывалась, или принюхивалась, прежде чем спросить:

– Откуда ты такая взялась?

– Какая «такая»? – спокойно уточнила я.

– Чужая, но при этом в тебе кровь исчезнувших, – язвительно пояснила стархиня.

– Исчезнувших? – Вряд ли она о том, что моих родителей уже нет в живых.

– Двух древних сильнейших каст нашего народа: или Проводника, или Хранителя. Кто-то из твоих родителей был из их числа? Откуда ты взялась? К какому потоку относишься? – Учитывая терпение, с которым она меня расспрашивала, ей точно было интересно.

– Не знаю, – честно ответила я.

Стархиня фыркнула и грозно сообщила:

– В любом случае крови так мало, что значения она не имеет! Наверняка только поэтому ты согласилась на предложение уродливого. Другой старх такую слабую полукровку не взял бы!

– Главное, о чем тебе не надо переживать: это не ты – слабая полукровка и не тебе пришлось соглашаться на его предложение, – пожав плечами, не сдержалась я.

Стархиня, одарив меня гневным взглядом, резко повернулась и ушла. Еще и дня на Иволоне не провела, а уже нажила себе недруга. Последующие часы я, сначала убрав свою меховую одежду в мешок, провела в спокойном ожидании, сидя на лавке и привалившись спиной к стене. Периодически появлялась Кривона, занятая мелкими хозяйственными делами и уборкой. По-хорошему, надо было бы предложить ей помощь, а не сидеть ленивой нахлебницей, но что-то подсказывало, что вряд ли она подойдет к предложению объективно. Лучше предложу помощь Руензу: я же не один день здесь проведу.

Появление первых стархов застало меня врасплох. Не было ни шума, ни звуков беседы. Просто та широкая дверь, через которую и мы пришли сюда, поднялась, впуская внутрь обитателей. И эта троица сразу остановилась и, развернувшись в моем направлении, принялась. А потом – как отрезало – больше в мою сторону мужчины и взгляда не кинули. На вошедших не было одежды из меха, из чего сделала вывод, что они пришли не с поверхности, а с «нижнего яруса».

Стоило мужчинам появиться в зале, как Кривона вынесла и поставила на ближайший к ее помещению стол две стопки мисок, россыпь ложек и огромную кастрюлю с похлебкой. От нее шел пар и распространялся уже знакомый вкусный аромат. Трое стархов, ненадолго нырнув за третью дверь, вернулись, умывшись, и направились за ужином. Каждый брал миску и наполнял ее горячим варевом, а потом садился за стол.

Пока я наблюдала за первыми пришедшими, подтянулось еще мужчин двадцать. Зал сразу наполнился суетой и движением. И все совершенно одинаково реагировали на мое присутствие: изучающе принимали и переставали обращать внимание.

Когда большинство мужчин уже расселись за столами, доедая кто первую, кто третью порцию похлебки, а Кривона принесла третью по счету кастрюлю горячей еды, появился Руенз.

Пока он двигался в моем направлении, успевал тут и там перекинуться парой слов с вернувшимися с работы стархами. Подошел, присел рядом и уточнил:

– Никто не беспокоил?

Я отрицательно мотнула головой, а пожилой старх, облокотившись на стол, размеренно добавил:

– Люблю всю эту повседневную суету. Убежище сразу наполняется жизнью, когда есть постояльцы.

Мы вдвоем еще некоторое время наблюдали за ужинающими стархами, за тем, как, купаясь в мужском внимании, туда-сюда сует Кривона, вынося подносы с кружками и металлический жбан с напитком.

– Руенз, – вспомнила я о своем намерении, – меня тоже к какому-нибудь делу пристройте, а то так сидеть скучно. Могу Кривоне помочь. Это сколько же ей сейчас убирать предстоит!

– Нет, – мотнул головой старец, – Рид тебя как гостью оставил. Ему это не понравится. А Кривона убирать не будет – тут по очереди каждый вечер двое за всеми прибирают.

– Что же мне, целыми днями на месте сидеть? – расстроилась я.

– Подумаю об этом и с Ридом посоветуюсь.

Ну хоть так...

– А он поздно будет? – не зная, сколько еще ждать, уточнила я.

Руенз красноречиво развел руками.

Ужин уже часа три как закончился, столы были сдвинуты к стене, лавки подняты на них, а все оставшееся пространство зала заняли своеобразные тюфяки-матрасы. Оказалось, что за средней дверкой находились санитарная зона и склад. Там же, в специальной ячейке, каждый хранил свои вещи и имеющееся имущество. Поэтому, покончив с едой, все как-то дружно организовали себе спальные места и погрузились в разные дела. Кто-то общался, собравшись небольшой группой, кто-то шил, кто-то читал, заметила я и троих, игравших в незнакомую игру с шумными фигурками.

Ждать Рида теперь было даже интересно: мы с Руензом сидели рядом, поглядывая на мужчин и тихонько посмеивались над то и дело являвшейся помелькать среди присутствующих Кривоней.

Неожиданно для меня, принеся с собой порыв холодного воздуха, вошел Рид. Быстро obeжал взглядом зал и шагнул к нам.

– Без осложнений? – Вопрос был адресован Руензу.

Мой собеседник важно кивнул.

– Хорошо. Вымотался ужасно. И голоден. – Рид усмехнулся. – Выделишь нам постель?

– Конечно, – кивнул пожилой старх и тут же окрикнул работницу: – Кривона, еды Гай-вридаилу принеси.

Но еще до того, как он закончил фразу, появилась стархиня с подносом, на котором стояла большая миска с похлебкой, отдельно – дощечка с мясом, нарезанным ломтями, и кружка

с питьем. Поставив еду на стол рядом с нами, она очаровательно улыбнулась моему мужу и нежно проворковала:

– Устал наверняка. Давай же садись и ужинай – я специально для тебя лучшее припасла.

У меня комок встал в горле, а Руенз с Ридом как-то понятливо переглянулись. После чего мой старх быстро снял верхнюю меховую одежду и, сложив все аккуратной стопкой на ближайшую лавку, с невозмутимым видом пошел умываться и мыть руки.

А Кривона осталась с нами, присев на лавку с очевидным намерением дожидаться Рида. Не понимаю ее: то уродом называет, то вьется вокруг... Впрочем, со мной тут вряд ли кто-то стал бы считаться.

Рид вернулся и сразу принялся за еду.

– Ты ужинала? – уточнил он у меня, пристально взглянув в глаза.

– Думала, с тобой... – неуверенно заметила в ответ.

– Кривона... – тут же многозначительно взглянул на стархиню Руенз.

– Не надо, – остановил их Рид, – я поделюсь.

И, поманив меня ближе, протянул свою ложку. Не зная, как поступить, неуверенно присела рядом с мужем и ложку взяла. Он весь день работал, наверняка запасы разгружали да разбирали... Голодный... А я его объедать буду?

– Ешь, – поторопил Рид. – И мясо бери.

Я осторожно проглотила пару ложек уже знакомой похлебки и взяла ломтик мяса. Пока ела мясо, ложка освободилась, и ею воспользовался старх. Так, по очереди хлебая густую похлебку, вприкуску заедая мясом, мы и доели его ужин.

– Добавки? – Стархиня подскочила с другой стороны к Риду.

– Будешь? – Рид взглянул на меня.

– Нет, – уверенно отказалась я, чувствуя, что и так объелась. Все же такое количество мяса в рационе для меня непривычно.

– Мы не будем, спасибо, – ответил стархине Рид и, обхватив меня мощной рукой за плечи, переключил внимание на друга. – Помоемся – и спать. Завтра опять работы много: хотим за пару дней комнату доделать, чтобы можно было Витару перевезти.

– Не вырубить так быстро, – поморщился Руенз. – Да еще нагрев и освещение надо организовать... Вон тут, в убежище, ты их дня три делал.

– У меня стимул есть поспешить, – хмыкнул рядом муж. – В мешке еда в счет нашего проживания. Занесу на склад?

– Да. – Пожилой старх согласно кивнул. – Сразу и постель захвати.

– Ширму возьму? А то Витаре неудобно будет – кругом столько мужчин, – спросил разрешения Рид.

– Конечно.

У меня отлегло от сердца. А то, увидев множество матрасов, лежащих вплотную по всему залу, с ужасом представляла, как смогу тут совсем раздеться.

– Жди меня. – Кажется, фраза становится смыслом моей жизни.

Рид быстро подхватил принесенный с собой мешок и исчез в направлении склада. Кривона тут же метнулась за ним, заставив меня возмущенно напрячься. Но минут через семь муж вновь появился в зале, неся какую-то конструкцию и скатанный широкий тюфяк. Освободив нам пространство в углу, расстелил матрас и отгородил его ширмой. Затем нырнул в наш мешок и извлек все необходимое для помывки. А я не догадалась! Ведь могла же и сама это подготовить, не задерживая Рида. Когда он, занеся мешок за ширму, обернулся ко мне и позвал: «Идем?» – я быстро вскочила с лавки.

Изредка присутствующие бросали на нас любопытные взгляды, как мне казалось, больше на моего мужа. Когда мы, лавируя между спальными местами, почти дошли до нужной двери, дорогу заступил молодой старх.

– Рид, к себе можешь взять? – серьезно спросил он.

– На полгода или совсем? – деловито уточнил муж.

– На полгода.

– Нет. У нас запасов мало, поэтому временные нам не нужны, – похоже, удивил он ответом незнакомца.

Старх, несколько растерявшись, отступил, пропуская нас, скользнув по мне напоследок задумчивым взглядом. А Рид, увлекая меня за собой, уже спешил дальше. К счастью, кабинка тут оказалась закрытой. Быстро раздевшись на небольшом, предназначенном для этого, пятачке, мы шагнули под поток воды. В этот раз мне предложили универсальный моющий гель, подходящий и для волос, и для тела. А Рид по-прежнему мылся мылом.

– Спину помыть? – неожиданно склонившись ближе, чтобы перебить шум воды, уточнил муж.

Я испуганно качнула головой.

– Тогда мне помыль. – В руку мне положили мыло, и старх, не теряя времени, повернулся спиной.

Немного растерянно натерла ладошки мыльным бруском и положила на его спину. Расстирая пену по телу, привстала на носочки, чтобы хорошо намылить и широкие плечи, и мощную шею.

– Все, – осторожно сказала я, отступая под струи душа.

Муж тут же шагнул следом, позволяя воде смыть мыло. Пока я мыла и прополаскивала волосы, Рид уже успел обсушиться и начал одеваться. Как только я неуверенно подошла к нему, протянул сухое полотенце и кивнул в сторону на стопочку белья:

– Вот чистое – из того, что взял на звездолете.

Благодарно завернувшись в полотенце, уточнила:

– Из того, что капитан жене вез?

– Да, но у него еще много осталось, так что не переживай, – встряхивая волосами, заверил Рид.

– Надеюсь, это не очень дорого вышло? – пробормотала я, припомнив, что теперь муж должен ему какую-то услугу.

– Нет, в следующем году приму к себе в группу его брата с семьей, – спокойно сообщил Рид. – Если доживем до него, конечно.

– А вода тут платная?

– Нет, это растопленный лед, поэтому она легко добывается, – нахмурился муж, наблюдая за тем, как я начала одеваться, и добавил: – Сегодня лучше так спи.

Мы быстро оделись. Для меня имелись и чистые брюки, и носки, и тонкий свитер. А вот грязную одежду Рид свернул в один узел и спросил у меня:

– Постираешь завтра?

– Конечно, – обрадовалась я хоть какому-то делу.

– Спросишь у Руенза, где и как это сделать и где сушить, – пояснил уже на обратном пути мой старх.

Опять проманеврировав среди матрасов, стараясь не разбудить тех, кто уже спал, добрались до ширмочки. За ней поверх местного матраса я обнаружила ту самую шкуру, в которую меня завернул Рид при транспортировке со звездолета.

– Ложись, – одними губами поторопил меня муж, быстро раскладывая наши вещи.

Спорить не собиралась – тоже устала, правда, от пустого ожидания. Быстро стянув одежду, в одном белье забралась на шкуру, укрывшись одним ее краем. Рид почти тут же скользнул рядом, притянув за талию к себе и укрыв нас сверху своим краем шкуры.

– Кривона не обижала? – тихо шепнул на ушко.

Мотнула отрицательно головой.

– Если что – скажешь мне. Спи. – И, завозившись устраиваясь поудобнее, почти сразу заснул.

А я еще некоторое время лежала, прислушиваясь к посторонним звукам: чужому дыханию, непонятым шорохам и отголоскам чьего-то тихого разговора, чувствуя себя довольной и спокойной. Пока Иволон не казался таким неприступным.

Глава 8

В полусне почувствовала, что Рид встает, выбираясь из-под шкуры, и сразу тоже зашевелилась, намереваясь подняться следом.

– Спи, еще очень рано, фактически ночь, – тут же прошептал он мне на ухо. – Сюда никто не заглянет. Вернусь опять поздно.

Спать хотелось нестерпимо, было ощущение, что я только закрыла глаза. Он что, поспал пару часов? Но, прежде чем в голове созрел хоть какой-то ответ, меня снова сморило.

В следующее пробуждение с удивлением вслушалась в окружающую настораживающую тишину. Полежав немного прислушиваясь, сообразила: все мужчины, должно быть, уже ушли. И как я умудрилась этого не услышать?

Выбравшись из теплой шкуры, оделась. Шкуру и матрас свернула и оставила в уголке. Выглянула из-за ширмы – действительно никого в зале нет. Прихватив все необходимое, отправилась к санитарной зоне умыться и окончательно стряхнуть сон. На обратном пути столкнулась с Руензом.

– Доброе утро!

– Доброе, Витара. А я услышал, что ты встала. Сейчас Кривона поесть принесет.

– Спасибо! Я так спала, что не заметила, как мужчины ушли, – поделилась я недоумением.

– Так все тихо старались, без шума, чтобы тебя не разбудить. Кто ж захочет Рида злить.

Задумавшись над словами пожилого старха, прошла за ним к столу, уселась на лавку в ожидании обещанного завтрака и тут вспомнила.

– Забыла Рида насчет моей здесь работы спросить, – с сожалением повинилась я.

– А мы с утра обсудили. Он не против, но ты сама исходи из собственного желания и сильно не надрывайся. Но давай-ка я тебе сам скажу, что делать, а то Кривона, боюсь, не сдержится, – успокоил меня старх.

– Мне еще постирать надо, – вспомнила я о просьбе мужа. – Покажите, где я могу тут это сделать? Вот поем и займусь. – Старх кивнул. – А Рид куда сейчас летал за запасами? – Пользуясь возможностью поговорить наедине, попыталась хоть немного удовлетворить свое любопытство.

Пожилой старх недоуменно взглянул на меня и заметил:

– Кто ж знает, он из потока левиоров, а у них свои пути. Но хороши они тем, что всегда чувствуют, какая дорога верная. – Ответ Руенза так и не пролил свет на обстоятельства, по которым мой муж оказался в изоляторе.

Подошла стархиня, поставив передо мной большую кружку с напитком и положив рядом два ломтя теплого хлеба. «Его же пекут!» – дошло до меня. А я и понятия не имею, как это делать.

– Чего присматриваешься? – выдернул из размышлений старх, косясь на меня, методично рассматривающую ломоть хлеба.

– Печь не умею, – призналась я. – Вообще из того, что и как готовить, немного знаю.

Старх, похоже, удивился, но с расспросами лезть не стал.

– Рид к себе Грифа взял, а он калека, считай, для тяжелой работы не годен. Так тот готовит на всех – тоже дело нужное и свою долю добычи заслуженно получает. Не бойся, вдвоем с ним справишься. Да и группа у Рида небольшая, не на многих готовить, – успокоил старх.

– А тут вообще ничего не растет? – пережевывая непривычно вкусный, вполне съедобный хлеб, поинтересовалась у Руенза я.

– Глубже в пещерах мох странный есть. Его как-то занесли на планету, видимо, смог прижиться. Внизу, где компрессоры и реакторы, очень тепло, вот он и распространился. Не

одна пещера уже им заполнилась. – Старх недовольно передернулся, наверняка считая растение захватчиком.

А я подумала об оленях: если есть мох, они смогут им питаться. Если он съедобный, конечно. Не на это ли рассчитывал Рид?

– Так какие поручения для меня есть? – Увидела, что пожилой старх вот-вот задремлет, что и немудрено, если встал так же рано, как мой муж.

– Надо в хранилище продукты по разовым нормам рассортировать, а то Кривона сыплет как придется – неэкономно выходит.

Я кивнула, сообразив, что этим, наверное, и на звездолете занималась, разбирая бобы. Проглотила оставшийся кусочек хлеба и, запив, поднялась. Подхватив грязную кружку, позвала Руенза:

– Пойдемте, поможете мне освоить стирку?

Старх кивнул и поднялся:

– Вот покажу тебе все и пойду себе отдыхать.

Я занесла на кухню к Кривоне кружку, сначала прошла за Руензом в кладовую, где он показал, что мне предстоит делать, а потом – в санитарную зону. Дальше по коридору, сразу за душевыми, обнаружилось небольшое квадратное помещение с разными по размеру емкостями.

– Вот. – Руенз подвел меня к сравнительно небольшой емкости. – Одежды немного, так что лучше в этой. Сложишь сюда одежду для стирки, добавишь мыльного раствора, он рядом стоит, из этих кранов водой заполнишь и нажмешь эту клавишу. И все – приходи за бельем часа через полтора. Будет выстирано и отжато. Потом к этой стене отнесешь, она самая жаркая, и на веревки повесишь. – Старх протянул мне пакетик с зелеными зажимами. – Это маячки, только тот, кто установил их, и снять сможет. Ими одежду на веревках закрепишь, поняла?

Перекладывая пакетик с ценным содержимым в карман, кивнула. Сейчас на веревках тоже висела чья-то одежда, закрепленная разноцветными зажимами. Поблагодарив старика, побежала в наш уголок за ширмой за грязной одеждой. Вернувшись, отложила в сторонку нижнее белье, решив постирать его отдельно, всю остальную одежду сложила в стархский агрегат и запустила процесс стирки, действуя по инструкциям Руенза. Потом вручную, используя мыльный раствор, постирала и прополоскала нижнее белье. Развесив его на веревках и закрепив охранными маячками, собралась на продовольственный склад разбирать незнакомые корнеплоды.

Но, выйдя в общий зал, неожиданно увидела там четверых, явно только что пришедших с поверхности, незнакомых стархов. Все четверо сразу обернулись ко мне, а самый крупный резко окрикнул:

– Руенза позови!

Не зная, как поступить, собралась уже было позвать Кривону, когда стоявший рядом с заговорившим со мной старх заметил, пригнувшись:

– Ты ошибся, это не местная работница. Это... теса Тшехар!

Все сразу замолчали и принялись пристально изучать меня. А я, как никогда остро ощущая себя неуместной, неловко замялась. Брюки и свитер с воротом под горло слишком обтягивают мое совсем не крупное тело. Еще и волосы с утра не заплела, а вымытые вчера, они чистыми, ровными прядками спускались до плеч.

– Неплохо Рид прибарахлился, я смотрю, – протянул старх, который стоял дальше всех от меня. – Пусть и мало ее, а кровь-то... Проводник? Ведь точно Проводник!

– Да, – откровенно пригнувшись, согласился еще один из незнакомцев. – Только уж совсем мало. Что толку-то?

– Детям передаст, хотя бы одному. Да и сама еще, кто знает? У этих каст лишь у той женщины, что понесла, могла кровь пробудиться и окрепнуть. У этой еще не пробудилась. – В

несколько быстрых шагов оказавшись рядом и обдавая меня леденящим холодом, исходящим от меховой верхней одежды, самый мощный из опасной четверки цепко ухватил меня за плечо.

– Рид не успел еще, может быть, мне сначала родишь?

Не понимая, шутит он или говорит всерьез, я основательно испугалась. Хватка была жесткой и причиняла боль. На рефлексх, спружинив ногами, резко вывернулась, отступая от мужчины. Но тут заметила, что и остальные сразу оказались рядом, обступая вокруг.

– На лицо ничего, смугленькая, глазки карие, худа правда, но отъестся. А Рид ведь страшный, не то что мы. – Стархи дружно стащили с себя меховые шапки, демонстрируя достаточно привлекательную внешность. Вот только глаза... У всех четверых в них была озлобленная жестокость. Очень знакомое выражение...

– Пустите, – сделала я попытку шагнуть к помещению Руенза, но тот, что уже хватал меня за плечо, удержал опять, на сей раз, обхватив сзади за талию и приподняв в воздух, притянул спиной к себе. Рука, сначала увесисто хлопнув меня по бедру, переместилась на грудь, ощутимо стиснув ее. Я громко завизжала...

– Подержаться, конечно, не за что, ну да все же не мужик, – басом перекрывая мой визг, заметил удерживающий меня старх.

Со страху, резко сжав ноги, рывком подняла их и ударила в живот мужчине. Тот охнул и хватку ослабил, дав мне шанс вырваться. Но убежать не позволили остальные.

– Дитор! – Окрик был настолько властным, что окружившие меня стархи замерли.

А Руенз, к моему облегчению появившийся в зале, подошел ближе и четко отрубил:

– Нарушаешь правила убежища? К чужой жене полез! Рид такого не спустит.

– Не брюхатая же, – отмахнулся кошмарный незнакомец, – а значит, пока можно... осторожно. Еще и передумать может, вдруг я ей больше глянусь, чем урод наш?

Быстро выскользнув из кольца стархов, я оказалась рядом с Руензом.

– Зачем пришли? – грубо спросил он у нагрянувших гостей.

– Надо нам потолковать с тобой, – резко посерьезнев, ответил тот, к которому обращались как к Дитору.

– Слушаю, – невозмутимо кивнул Руенз.

– Так прежде покормить и обогреть надо бы, где эта твоя гарпия? – растягивая слова возразил Дитор.

– После того, что вы себе позволили в прошлый раз, Кривоне обслуживать вас запретил, – твердо сказал пожилой старх.

Пришедшие словно ощерились. Вроде бы внешне не изменились, а угрозой ощутимо потянуло.

– Ну, побаловались немного, – спустя пару минут скабрёзно протянул Дитор, – чего старое вспоминать?

– Теперь нечего. Рид тебе уже настоящее припомнит. – Руенз кивком указал на меня, стоявшую рядом. – Зачем пришли?

– Запасы кончились, хотим пока у тебя пополнить, как корабль прилетит – отдадим, – резковато пояснил один из четверки.

– В долг? – В голосе Руенза отчетливо прозвучал скепсис.

– Не всем легко все дается, – развел руками Дитор. – Все, что было, отправили с закупщиком.

– До прилета пищевики еще неделя. – Пожилой старх словно размышлял вслух. – Хорошо! Ждите здесь. – Он, развернувшись, потянул меня за руку, увлекая за собой на склад. Тяжелую дверь за нами запер изнутри.

– А Кривона? – заволновалась я.

– Она уже научена горьким опытом, давно их учуяла и заперлась у себя. Потому и не выходила, – пояснил старх, о чем-то сосредоточенно думая.

– А себе у вас еды хватит? – неожиданно забеспокоилась я.

– Должно, но не дам им сейчас – заберут тебя, и Рид отдаст больше, – совершенно спокойно просветил меня старх, доставая мешок с бобами, а затем вытащил из охлаждающего блока брикет мороженого мяса.

– Помочь? – неуверенно спросила я, визуальное оценивая объем продуктов.

– Не совсем еще я немошен, – усмехнулся Руенз. – Ты тут оставайся, за мной закроешь. Когда они уйдут, постучу, позову тебя.

Заперла дверь за стархом и начала напряженно ждать. Слишком уж хорошо знаю, на что голод может толкнуть тех, у кого давно нет ничего живого в душе. Надо бы оружие где-то раздобыть, хотя бы элементарный пульсатор. Правила убежища действуют для многих, но для отчаявшихся – и я это себе хорошо представляла – они не стали бы аргументом! А этот Дитор меня напугал, нутром чувствовала, что он совсем на грани. Немало повидала таких за свою жизнь.

К моменту, когда в дверь постучал Руенз и сообщил, что Дитор с компанией убежища покинули, я изрядно переволновалась, хотя и времени прошло немного. Приоткрыв дверь, увидела пожилого старха, а рядом хмурю Кривону.

– Ты совсем не чувствуешь, на кого выскакиваешь?

Стархиня таким тоном высказалась, только что неумной не обозвала, но мое обоняние никогда в жизни не служило мне источником информации об опасности, поэтому осталось только пожать плечами.

– Совсем от нас ничего нет, – пренебрежительно махнула рукой подавальщица и, развернувшись, удалилась на кухню.

– Да... – задумчиво согласился Руенз. – В твоём случае опасность не получится предвидеть, а это плохо. Так можно серьезно встать. Ты бы поспешила с первенцем!

Совет натолкнул на мысль.

– А в чем такая важность этого события? И по поводу опасности спросить хотела: у вас оружия для меня не найдется? – выпалила я на одном выдохе.

– Так кровь сразу проснется. Мало ее в тебе, но все же, может быть, хоть что-то из наших способностей проявится, – задумчиво пояснил старх. – А оружие... какое же? Что, нож кухонный тебе дать?

– Почему нож? – удивилась я. – В идеале бы хотелось скеш: и незаметный, и многозарядный, и мощный, но на крайний случай и пульсатор сойдет.

– Ты скешем пользоваться умеешь?! – От изумления брови старика выразительно приподнялись.

– Да! – Решив не сообщать, что при необходимости и наличии составляющих компонентов могу и взрывной плазмодиск собрать, просто кивнула головой.

– Хорошо, сейчас дам тебе, но Риду скажу, – подумав пару секунд, согласился Руенз.

С благодарностью кивнув, согласилась:

– Конечно.

– Да он в любом случае сразу Дитора учует, – уже себе под нос пробормотал старх, направившись к себе.

Вспомнилось вырванное горло. Уж очень муж скор на расправу. Кровавопролития допускать не хотелось, все же обошлось...

– А если помоюсь? – с надеждой уточнила вслед ему.

– Не поможет, – хмыкнул старх. – Да и бессмысленно – он его еще по пути сюда учует, а чего от него ждать можно, он знает. Боюсь даже представить реакцию твоего мужа, но ты не паникуй, Рид сам разберется. У них счеты старые.

Понятно... Пока старик отсутствовал, мысленно прокрутила всю ситуацию, коря себя за тугодумие: надо было при первом их рыке к Руензу бежать. Но успела бы добежать? Да и

расслабилась я несколько от уверений в незыблемой неприкосновенности замужней женщины. Но пережитый инцидент в очередной раз напомнил: не бессмертна и уязвима. А посему старые привычки не повредят.

– Почему они говорили о том, что передумать можно с супругом до появления первенца? – сразу же, прокрутив мысленно случившееся, спросила у вернувшегося со скешем старха.

– Ты не знаешь, раз среди наших не жила. Но можно, хотя редко так бывает. Причем оба могут передумать. Мало ли, может быть, не разобрались друг в друге по-хорошему, поспешили, а вдвоем тошно жить стало, чего мучиться? Тем более что детей нет и не планируется? Там всякие условия есть, но факт – можно передумать.

Случай определенно не мой – передумать ошейник не позволит. Может быть, Рид его как гарантию и оставил, чтобы мыслей никаких о перемене мужа не возникло? Хотя кто знает, какие у него мотивы. Избавиться от ошейника хотелось бы, но это уж как получится. В любом случае мне жаловаться пока не на что.

Взяв скеш, привычно его развернула, проверила уровень заряда, состояние и быстро закрыла, по инерции засунув в плотно облегающий руку рукав. Пожилой старх, все это время пристально наблюдавший за моими действиями, как-то озадаченно покусал нижнюю губу, но с расспросами не полез. И за эту спокойную сдержанность я была ему крайне благодарна.

– Не пойму, к замужней женщине посторонний мужчина может приставать или нет? – Я, пытаясь отвлечь Руенза от нежелательных мыслей на мой счет, продолжила беседу.

– Да никто не станет. Дитор и его группа совсем уж одичали тут – неудачи и злость сделали свое дело, – философски пояснил старик. – А так не принято у нас это. Почти у всех семьи и жены есть – находятся далеко и мужей ждут. Кому же хочется, чтобы к его жене так отнеслись? Поэтому к чужой жене и не полезут. Но исключения всегда найдутся!

Последнее было сказано с предупреждением, и я кивнула, принимая к сведению.

– А Рид... он что?

– Убить его может. По нашим законам это обосновано.

– Так их там четверо, – выдохнула я в испуге. Дитор выглядел таким же крупным, как и мой муж.

– Это, конечно, проблема. Но Рид не забудет, и когда-нибудь они встретятся один на один... – Руенз многозначительно фыркнул.

А я испытала облегчение: «Уж лучше так!»

Глава 9

До вечера успела справиться со многим. Лодырничать и раньше себе позволить не могла, поэтому от любой работы не надорвалась бы, а уж тем более ради собственной пользы. После разговора с пожилым стархом развесила сушить выстиранное белье и занялась сортировкой корнеплодов.

Руенз тоже ко мне присоединился. Пояснив, что спина уже не позволяет подобную работу делать, присел неподалеку на ящик и принялся рассказывать случаи из жизни. Я быстро заметила, что и в этой развлекательной болтовне он преследовал определенную цель. То и дело проскальзывали полезные советы да вынесенные из жизни мудрые наблюдения. И было бы глупостью их для себя не отметить. Говорил он больше о хозяйстве, о том, как убежище содержать непросто, как важно с толком, пониманием перспектив и расчетом подходить к ведению дела, созданию запасов, грамотному их расходованию. Я, выполняя руками монотонную работу, сосредоточенно ловила каждое слово. Учиться мне этому надо – теперь и мне тут выживать, а значит, надо вносить свою лепту в общий труд, чтобы еду даром не получать. Бестолковой гирей на шее мужа висеть не хотелось. Но опыта в подобном хозяйствовании не было, и пожилой старх это, видимо, понял. Вот и пытался мои пробелы в знаниях восполнить.

– А вот Кривоне сколько ни говори – отмахивается. Сама, мол, все знает и умнее всех, зачем ей чужой толк, когда своего гонора избыток, – пожаловался он под конец, когда мы уже отправились на запоздалый обед.

– Спасибо, – с искренней благодарностью кивнула я, – мне ваш толк не помешает, верно вы поняли – не сильна я в домашнем хозяйстве.

До вечернего возвращения обитателей в убежище успела еще и высохшее белье снять и сложить в наш мешок, а также вызвалась помочь Кривоне с посудой – помыла ту, что имелась. Находясь со стархиной на кухне, часть которой в глубине была отгорожена короткой переборкой, отделяя жилое пространство от зоны готовки, незаметно наблюдала за тем, как та варила вкусную похлебку. В памяти всплыли почти стершиеся воспоминания о маме, готовящей суп, которая мясо всегда резала на много мелких кусков и добавляла непосредственно в бульон. Увидев, какое количество кусков мяса стархиня отваривала и готовила для нарезки отдельно, подумала, что в супе бы его понадобилось меньше, чем есть вот так вприкуску. Но, помня о жалобе Руенза, с инициативой не полезла.

Когда же появились первые стархи, помогла не скрывающей недовольства Кривоне переносить в общий зал миски и ложки. А потом убежала за ширму и, присев на валик скатанного матраса, принялась заплетать волосы. Чем ближе было время появления Рида, тем больше я беспокоилась относительно его реакции на случившееся днем.

Сегодня он пришел раньше, словно чувствовал. Мы с Руензом по примеру вчерашнего дня только устроились на лавке в сторонке, наблюдая за началом массового раскладывания матрасов, как из-за отъехавшей двери внутрь очень резко шагнул мой муж. И сразу, не теряя времени, направился ко мне. Я переоделась, надеясь, что так запаха Дитора на мне останется меньше, но, судя по прищуренным глазам Рида и подергивающемуся носу, толку от этого не было.

– Что он хотел? – Тон вопроса к Руензу был такой же обжигающе холодный, как и порыв принесенного снаружи мороза.

– Запасы пополнить, ну и Проводника в ней учуял, – сразу пояснил пожилой старх, поразив меня краткостью и емкостью ответа.

– Ждет пищевик? – деловито уточнил мой муж, скидывая меховой покров.

– Да.

– Когда прибудет?

– Через неделю.

– Повидаемся... – уверенно пообещал Рид и обратился уже ко мне: – Напугал?

– Не сильно, – надеясь смягчить его, ответила я.

Муж некоторое время хмуро в меня всматривался и уточнил:

– Ела?

– Нет, мы обедали поздно, поэтому не хочется.

Рид кивнул, а Руенз добавил:

– Я ей скеш дал, обращается она с ним умело. Она же не чует ничего, так на Дитора и налетела.

Мой старх, сворачивая верхнюю одежду, ненадолго замер, задумавшись, а потом кивнул мне:

– Верни скеш.

Скеш возвращать мне, конечно, не хотелось, но права спорить я не имела. Поэтому, привычно крутанув рукой, мгновенно ощутила оружие в ладони и отдала пожилому старху. Он с невозмутимым видом забрал скеш.

Тут же подскочила и Кривона, опять зашебетав про припасенный ужин.

– Ты почему сразу с Руензом не связалась, когда Дитор появился? – резко оборвал ее Рид. Стархиня замаялась.

– А вдруг бы он ей глянулся? – наконец поделилась она причиной промедления, а я сообщила, что из кухни с жилой зоной владельца убежища у Кривоны была возможность связаться, и та могла сразу разбудить пожилого старха.

– Я тоже так подумаю в следующий раз, когда Дитор до тебя доберется, – спокойно пообещал Рид стархине и пошел в направлении санитарной зоны.

Кривона расстроилась и, бросив на меня злой взгляд, ушла за похлебкой моему мужу.

Вот же...

Быстро и в задумчивом молчании съев ужин, Рид обернулся ко мне, так и сидевшей рядом с Руензом, и спросил:

– В душ пойдешь?

Я тут же кивнула и, поднявшись, отправилась на этот раз сама собирать нам необходимое для помывки.

Сложив все в пакет, обнаружила Рида уже стоявшим рядом. Мы, как и вчера, осторожно пробравшись через зал, дошли до санитарной зоны. Заскочив по пути в туалет, быстро разделись и шагнули под струи воды. Сегодня я уже более понятливо отнеслась к просьбе мужа помочь с мытьем спины и даже согласилась на его аналогичную помощь. Старх своими большими ладонями основательно намылил мне не только спину, но и плечи, и бедра. А когда я полностью смыла пену и раскрыла зажмуренные от воды глаза, то обнаружила совсем рядом лицо наблюдавшего за мной мужа. Осторожно вытолкнув меня из-под потока, он оперся руками о стену по бокам от меня и спокойно спросил:

– Разрешешь мне тут? – И, наклонившись ниже, потерся щекой о мое влажное плечо.

У меня сразу перехватило дыхание от волнения и ноги дрогнули в предчувствии первой волны слабости. Молча кивнула, уставившись на широченную грудь, и тут же почувствовала, как руки мужа переместились мне на талию, обхватывая в таком привычном и успокаивающем уже жесте.

Старх молча подхватил меня, приподнимая, и начал слизывать с груди капельки воды. Обхватив шею мужа руками, помогая удерживать меня на весу, вздрогнула от приятного ощущения вызванного прикосновением шершавого языка, медленно скользящего по моей груди. Рид сделал маленький шаг вперед, прижимая меня спиной к стене. Потом поймал губами сосок и, громко причмокивая, принялся его посасывать, вызывая у меня одновременно и улыбку, и удовольствие.

– Готова? – Старху явно не терпелось.

– Да... – тихо прошептала, чувствуя, что тоже соскучилась по ощущению его абсолютной близости.

Приподняв меня выше, дождался, пока обхвачу его за торс ногами, и тогда медленно опустил вниз. Наверное, потому что мы оба очень соскучились по этим ощущениям, рождаемым физической близостью, или подсознательно возбуждились, еще пока мылили друг друга, но почти сразу довольно обмякли, шумно дыша и стискивая друг друга в общих объятиях. Руки бессильно соскользнули с его плеч, и Рид осторожно опустил меня на пол, продолжая прижимать к стене.

– Спасибо, – спустя пару минут тихо шепнул он где-то возле моего виска и уже громче добавил: – А теперь снова мыться!

И я, смущенная причиной этой повторной помывки, подхватила гель и начала намыливаться снова, особенно тщательно натирая места, где наши тела соприкасались. Как они существуют с таким нюхом? Вся личная жизнь на всеобщем обозрении.

Когда мы одевались, Рид спокойно и непререкаемо сообщил:

– Сейчас в конец коридора отойдем, если попадешь туда, куда я укажу, скеш дам тебе свой. И завтра последнюю ночь тут переночуем, а с утра отвезу к себе. Готово все не полностью, но там Дитор не объявится точно. Поэтому первое время будет не очень удобно.

Растерявшись от новостей, только кивнула в ответ. Как бы не промазать от волнения, да и смотря с какого расстояния еще стрелять и цель какая... Но в итоге, едва увидев выступ в стене на расстоянии пяти метров, мгновенно поняла, что с закрытыми глазами попаду. И, получив и проверив оружие, мишень уверенно поразила.

Рида это несколько не удивило.

– Оставь себе, – кивнул он на скеш.

Вернувшись в общий зал, убрали свои вещи и, вместе разобрав матрас, улеглись спать. Рядом с моим стархом засыпать было тепло и уютно, и это не шло ни в какое сравнение с приятной внешностью Дитора.

И снова появилось ощущение, что времени прошло всего ничего, а Рид встал и ушел. У меня же никаких сил не хватало полностью пробудиться – сон крепко держал в своих объятиях. Проснулась опять в одиночестве. На сегодня муж никаких поручений не давал, но я уже самостоятельно, умывшись и позавтракав, собрала грязную одежду и отнесла стирать. Надо будет к вечеру все вещи собрать аккуратно, чтобы быть готовой к переезду в будущий дом. Невероятно, но у меня появится дом, где я буду жить постоянно. Это было так непривычно и удивительно.

Когда вернулась в общий зал, появился и Руенз. поприветствовав пожилого старха, который собрался поехать, отправилась на склад продолжать вчерашнюю сортировку. Работы я сделала немало: почти треть из того, что было в общем контейнере, разложила по грубым тканевым порционным мешкам.

– Ты знаешь, что это за корнеплод? – Голос Руенза раздался вслед за хлопнувшей дверью. Видимо, старх опять решил составить мне компанию.

– Нет, – мотнула головой я, разглядывая ярко-фиолетовый удлиненный овощ, диаметром сантиметра четыре.

– Морус! – пояснил Руенз. – Он всегда должен быть в твоих запасах, и обязательно добавляй в пищу каждый день. Легче всего его потерять и положить в самом конце в похлебку. Он почти безвкусный, но необходим там, где нет естественного освещения. И детям начнешь давать с полугода, вначале сок отжимай, а позже уже и саму мякоть.

– Хорошо, – благодарно кивнула я, уважительно присматриваясь к незнакомому овощу. – А откуда он?

– Морус? С Ридана.

Ну конечно, надо было догадаться, что только в подземном мире этой планеты мог появиться овощ с подобными свойствами.

Мысль о том, что и под поверхностью земли что-то может расти, засела в голове. Опять же и мох этот прижился, хотя мхам и лишайникам много не надо, как я слышала, им и влаги в воздухе вполне достаточно, чтобы выжить, а вот растениям хоть какая-то почва нужна. А откуда ей тут взяться? Без тех же растений, которые ее формируют? Нет ее тут, одна твердая порода под ногами.

– И еще помни всегда, что мясо, конечно, важно в рационе: и еда от него вкусная, и энергии придает, но и растительной пищей не пренебрегай. Она тоже немало пользы дает, пусть эффект и не такой явный. У нас синтетические микроэлементы не очень в ходу, если уж только по нужде большой. А в овощах и вообще в растениях много того, что необходимо и очень полезно. Будешь их добавлять в еду – хворей меньше будет, а сил и крепости здоровью добавишь, – продолжал поучать пожилой старх. – А уж детям и вовсе поначалу мясо есть нельзя.

– Спасибо, я запомню, – искренне пообещала я, мысленно вспоминая все, что хоть раз слышала о съедобных растениях и их использовании. Учитывая, по скольким планетам меня поносила жизнь и со сколькими разумными существами сталкивала, кое-какая информация в багаже знаний отыскалась.

– Рид сказал, что завтра с утра меня увезет, – сообщила я старху.

Тот кивнул, давая понять, что в курсе намерений моего мужа, и вздохнул:

– Ты пока ему жизнь не отягощай, рюкзаком не веси и нервы не мотай. Все не ко времени сложилось у вас, но главное, чтобы к лучшему было. Так что потерпи пока, не так уж и долго придется терпеть, – наставлял он меня.

– Как понять – не ко времени? – насторожилась я и, прекратив работу, вопросительно уставилась на старху.

– Сейчас сложно им и так, а тут жена еще. Да о тебе еще и заботиться надо больше – слабая все же. Его группа планировала семьи на следующий год перевозить, если удастся со всем справиться, – объяснил Руенз.

– Сложно в каком смысле? Работы много? Или жить там тяжело, потому что не готово все? – допытывалась я, пытаясь лучше понять ситуацию.

– Нет, жизненные условия – это ерунда, они поначалу там едва не снаружи ночевали, так что сейчас уж точно лучше, но вот работа... И обязательства поджимают. Мало их, а замахнулись серьезно. Вот и выкладываются сейчас, всего неделя осталась, а не успевают. И с долгом на следующий год уходить не хотят. Ведь распределительная гильдия межгалактического содружества юлить начинает: то проценты потом вырастают до непосильных, а то и вовсе – делаешь всю разработку, самое сложное отладишь, процесс запустишь и оказываешься ни с чем – патента лишают. Сколько так уже случалось. Вот Дитор тот же – не может теперь вырваться из зависимости. А все почему? Потому что не свое! Пока право на собственность не обретишь, все и всем должен будешь. А какое же это стабильное будущее? Так и выйдет, что от пищевого до пищевого перебиваться будешь... – Старх погрузился.

– Руенз, – уточнила я, – Рид и стархи с ним сейчас работают в оплату долга?

– Да, ведь начали только. Давно он все это обдумывал, пока здесь вот так же жил и работал. Нашел единомышленников, и вместе они решили уйти и отдельно обжигаться. Но начинают все одинаково: патент на разработку определенного участка Иволон в гильдии получают в счет определенного объема гелия-3. А гильдия не смущается, они там столько запрашивают... И кому какое дело, что с нуля начинают: надо еще шахту прорубить, добычу руды обогащенной начать, оборудование завезти, установить, отладить, процесс запустить. А год не резиновый. Редко кто успевает. А на второй год если с долгами уходишь, и все, там договор

по патенту такой грабительский, что себе дороже выходит. А еще ресурсы для жизни нужны, а цены на все, что привозят, кошмарные.

Сглотив, я замерла, размышляя о ситуации. Вот тебе и постоянный дом, и стабильное будущее. И жена моему старху сейчас нужна как звездолету мазутный дизель. Сил и времени отнимает много, а пользы – никакой. Зачем все же женился? Пожалел? Решил от смерти спасти? Но что он вообще в изоляторе делал? Опять же времени сколько на себя отнимаю – вынужден каждый день в убежище ездить. Еще и комнату мне делает. Эх, знать бы, я бы и в одной с оленями пожила недолго. Это все ерунда в сравнении с возможностью получить ту собственность. Понятно, почему муж рано уходит. И быть ему такой обузой совсем не хочется.

– А... – запнулась я в волнении, – они много не успевают? Еще и на обустройство мне комнаты отрываются...

– Много. С комнатой пока никак, Рид поначалу намеревался, но потом решил, что лучше ты неделю у меня поживешь, а с комнатой уже потом разберутся, после прилета пищевода от гильдии и всех взаиморасчетов. Они всемером работают, не прерывая процесс ни на минуту, спят по очереди, но минимум трое всегда у компрессоров. Руды достаточно заготовили, и надо успевать гелий извлекать, сжимать его и готовить для транспортировки. А компрессоры от постоянной работы не выдерживают – раскаляются, внутри же постоянный синтез идет, и тепловой энергии высвобождается колоссально много. Рид и так там уникальную систему охлаждения создал, но боится, что не выдержит оборудование работы в таком режиме. – Пожилой старх покивал своим мыслям. – Оно и не выдержит.

– А они сами как? – поразила я. – Если там такая жара?

– Так мы регулируем температуру тела своего, подстраиваемся и к жару, и к холоду, – отмахнулся Руенз.

– Может быть, мне тогда лучше здесь остаться? А Риду эту неделю не ездить? – попросила совета я. – Он мне свой скеш дал, так что теперь...

– Ты Дитора не знаешь, а мы знаем, – грустно вздохнул Руенз. – И что скеш? Много ты им отобьешься? Рид не пойдет на это, он побоится тебя на неделю без защиты оставить, а возможности приезжать нет. Потому и забирает. Вот и говорю: не капризничай там, потерпи уж.

Я кивнула, вновь принимаясь за сортировку моруса. Со скешем я – грозный противник, хотя откуда им об этом знать. Да и глупо недооценивать этого Дитора, раз его так побаиваются. Но ситуация с добычей топливного гелия очень обеспокоила.

– А нельзя никого к ним в помощь, из тех, что тут работают? – спросила я некоторое время спустя.

– А платить чем? Все, что им удалось за год добыть, уйдет в счет оплаты патента. Что было накоплено, потратили на запасы, до следующего поступления денег год ждать. Те, что с ним сейчас, на постоянную работу пришли, там уже о другом сотрудничестве речь – они сразу оплату требовать не станут. Да и им важнее год прожить, стабильно процесс отладить, чтобы семьи перевезти. А со стороны приглашать – платить надо сразу, а нечем. – Руенз многозначительно пожал плечами.

Мне сразу вспомнился и душ на звездолете, и натуральная еда, и немалая пошлина, уплаченная в изоляторе... Ведь неспроста же он не каюту себе взял, а спальную дешевую кабинку. На душе потяжелело.

– Чего хмуришься? Разочаровалась в муже? – настороженно уточнил старх.

– Нет, в себе, – честно призналась я. – Он потратился на меня очень. И при... встрече, и во время полета.

– Об этом не переживай. Жена не пустое место – как не обеспечить, знал же, куда везет. А с Зулом, капитаном рейсовика, они давние знакомые. Так что о тех тратах вообще не думай, – уверенно успокоил старх. – Главное, сейчас ему проблем не добавляй.

Я была очень благодарна пожилому старху за то, что подготовил меня, позволив избежать в дальнейшем многих ошибок. До самого обеда и после него занималась разбором корнеплодов, намереваясь завершить начатое до отъезда, и думала, думала, думала... Очень хотелось им помочь, но как – я не представляла.

Глава 10

К вечеру у меня было все готово: постиранная одежда высушена и сложена в мешок, матрас скатан, меховую одежду, наоборот, вытащила и приготовила для облачения. Даже похлебкой Кривоны наполнила герметичный контейнер, одолженный у Руенза, в который за неимением другого места положила и отварное мясо. Разбирать морус закончила. И главное, я твердо намеревалась уговорить Рида не ждать завтрашнего утра, а отправиться в наш будущий дом прямо сегодня.

Руенз мою идею поддержал и заодно пообещал поспособствовать в убеждении Рида.

– Мы же увидимся еще? – уточнила я у расположившего к себе за последние дни старха.

– Конечно. Рид часто приезжает, когда свободен, – все же новости у меня собираются.

А в день прилета пищевода будет большая ярмарка, это как праздник на Иволоне, так что и с другими жителями познакомишься, хотя не так уж и много их здесь, – с улыбкой уверил пожилой старх.

Как и накануне, Рид явился раньше, я сразу вскочила с лавки и поспешила ему навстречу.

– Давай прямо сейчас отправимся? Пока ты еще не разделся. У меня все готово: вещи собраны, и даже похлебки отложила. Только оденусь быстро и готова идти, – протараторила я.

Рид озадаченно в меня вгляделся.

– Я ей рассказал про патент, не хочет отрывать тебя от работы, – пояснил подошедший за мной Руенз.

Муж задумался и... кивнул.

– Иди одевайся, – сказал он, и я шустро убежала готовиться к переезду.

Быстро натянув вязанные носки и меховые чулки-сапоги, надела свой меховой костюм и шапку. Ботинки запихала в мешок и затащила его тесемками у горловины. Подошедший Рид подхватил наш матрас с ширмой и понес на склад. К его возвращению я была полностью готова и уже чувствовала, как становилось невыносимо жарко в теплой одежде. Коротко попрощавшись с Руензом до новой встречи, Рид подхватил наш мешок, шкуру и, кивнув мне на входную дверь, решительно двинулся вперед. Я тут же поспешила следом, не обращая внимания на расстроенный вид Кривоны и редкие любопытные взгляды окружающих стархов.

Быстро преодолев коридоры, вышли в зал, где среди прочих стоял и наш терг. Судя по всему, в этот раз пробежка непосредственно «по улице» мне не грозила, но Рид, открывая проход внутрь этого прозрачного транспортного средства, предупредил:

– Маску на лицо и меховой намордник надень, не повредит.

Спорить я не собиралась и сделала все, как было сказано. Меж тем Рид активировал терг и направил его к подъемнику на поверхность. Опять коридор за коридором, разделенные поднимающимися дверями. И вот мы уже на площадке подъемника возносимся вверх. Рид молчал, задумчиво наблюдая за значками на табло, а я, пока еще не заиндеветшими и не ослепшими от холода глазами наблюдала за окружающей породой, которая была видна сквозь прозрачные стены. Практически на середине подъема муж активировал те зеленоватые тепловые «вены», испещрявшие стены кабинки терга. Но в шкуру я все же завернулась, поскольку даже с этим обогревом ощущение значительной прохлады присутствовало. Но все-таки не обжигающий мороз.

Поверхность Иволлона была такой же, как мне запомнилась, – темной, ледяной и безжизненной. Хотя нет, сегодня дул ветер... И он даже в терге пробирал, казалось, до костей. Сильные порывы хлестали по прозрачной поверхности кабинки, скользящей куда-то в темноту Иволлона, разбегаясь невидимой волной по стенам и ощутимо качая терг из стороны в сторону.

Обшивка странно позвякивала от ветра, заставляя волноваться, что ужасающий мороз вот-вот ворвется внутрь.

– Ветра начинаются, – сосредоточенно следя за маршрутом, прокомментировал Рид. – Самое страшное время на поверхности планеты. Через пару недель наступит сезон ветров, тогда наверх месяца два, а то и три никто не поднимается. Даже старха такой ветер продует и заморозит.

Зябко передернувшись, я наблюдала за тем, как очередной порыв, ударив в наш терг, оставил снаружи кабинки морозный узор. И это несмотря на работающий обогрев... Страшное место, на самом деле убийственное!

Ехали мы около двух часов, и, когда терг замер на месте, я поняла, что сейчас нас ждет погружение под землю, вниз к своему дому. Опускались мы дольше, чем в убежище, еще отметила более узкие коридоры-тоннели, а дверей по ходу движения было всего две, но какие!

– Титанаровый сплав? – Не веря своим глазам, я задрала голову вверх, чтобы лучше рассмотреть отъехавшую после манипуляций Рида с пультом мощную дверь. – Толщиной сорок сантиметров?!!

– Дом должен быть надежным, – спокойно пояснил Рид, – чтобы я мог, не опасаясь, оставить там семью и не волноваться, что на них нападут или захватят в плен.

Да уж, этот сплав использовали для обшивки передовых кораблей межгалактического флота. Эта дверь не то что взрывы плазмодисков выдержит, ее прямыми попаданиями межгалактических ракет не сдвинешь! А если учесть глубину залегания, то дом должен быть очень надежным! Я даже не представляю, что могло эту надежность и основательность поколебать. Как и ее хозяина. Но...

– А если взорвут вход? Обвалят породу в районе подъемника?

– Есть запасной выход изнутри, о нем знаю только я. Покажу тебе, – деловито пообещал Рид. – Внутри есть система визуального наблюдения, всегда смотри, кому открываешь, прежде чем поднять дверь. У нас за последнюю дверь в дом пускают только родных и близких знакомых. Любого путника, желающего найти место для отдыха, вполне устроит пространство между первой и второй дверью. Это считается гостеприимным. И к таким путникам, если меня нет рядом, никогда не выходи – достаточно пообщаться через визуальную связь. Это так же принято.

– Конечно, – пообещала я, осматриваясь.

За первой дверью после небольшого тоннеля увидела довольно большой зал, в котором стояло еще два терга. Рядом остановились и мы. Выбравшись наружу, почувствовала тепло и стянула шапку с маской. Рид забрал мешок с вещами и шкуру из терга и направился к видневшейся в противоположной стене двери.

– Много не готово еще, будет непросто пока. – В его тоне мне почудились стыдливые ноты, поэтому поспешила возразить.

– Все хорошо, мне так гораздо спокойнее. Я же не привыкла к мягким перинам и стильным интерьерам, так что не беспокойся об этом. Главное – не замерзну, а все остальное вполне посилено. И твое время тратить бесцельно не хочу, а если можно, то и помогу?

– Вряд ли это в твоих силах. Из моей группы можешь никого не опасаться – все проверенные и надежные ребята, – вынимая из кармана пульт от двери, предупредил Рид. – Но бытовые условия все еще плохие.

За второй – не менее впечатляющей – дверью тоже оказался зал, не такой большой, как в убежище, с корявыми, необработанными и неровными стенами и потолком. По последнему причудливыми ветвями разбегались похожие на уже виденные мною в терге белесые искристые «вены», которые служили приличным источником освещения. Откуда оно в убежище, я так и не разобралась, а вот тут стало очевидно. Других жилых помещений не заметила, только четыре ниши в одной из стен, которые впоследствии скорее всего планируется углубить до

отдельных помещений. Тут же с одного края на полу располагались спальные тюфяки, а в противоположном – нечто вроде кухни.

– Витара, – попросил Рид, положив наш мешок возле одного из тюфяков, – достань похлебку. Я поем и пойду работать, а тебе Гриф все покажет. Здесь ничего не бойся.

Муж начал быстро раздеваться, а я торопливо достала приготовленную для него еду. С контейнером он прошел на «кухню», взял ложку и, присев на один из стоявших там ящиков, принялся есть холодный суп.

Я тоже поспешила раздеться, аккуратно сложила наши меховые одежды стопочкой на его тюфяке и осмотрелась. В дальнем конце зала заметила проем еще одного помещения. И именно оттуда появился горбатый и прихрамывающий старх. «Гриф», – сразу догадалась я.

– Что там? – спросил его муж.

– Раскалились оба компрессора, – угрюмо пробормотал горбун. – Тин и Зогал остались, все вместе пытаются охладить их, обливая водой.

Сердце сжалось, а Рид, быстро вскочив и на ходу стягивая свитер и рубашку, стремительно исчез в том же проеме, откуда вышел Гриф. Похлебка так и осталась недоеденной.

– Теса Тшехар? – развернувшись ко мне, приветственно кивнул Гриф, с некоторым сомнением поглядывая на меня.

Лучше сразу дать понять, что глупых истерик закатывать не намерена.

– Вы Гриф, да? – уточнила я. – Мне Руенз про вас говорил. Если не отвлеку, покажите мне, где тут что, а также скажите, чем вам помочь, хотя бы по хозяйству?

Старх испытал очевидное облегчение.

– Тут, по сути, только самое необходимое сделано. В этом помещении мы спим и готовим, а там, – он махнул рукой в направлении проема, – все остальное.

Вслед за призывно махнувшим мне стархом отправилась осматривать «все остальное». Там обнаружилось еще одно помещение, в одном углу которого двумя поперечными деревянными балками были отгорожены олени, стояло несколько контейнеров с кормом и водой для них. А сбоку был еще один вход.

– Туалет и дальше место для помывки и стирки, – махнул в его сторону Гриф и тут же указал на вход в противоположном конце, поясняя: – Там склад, таяльня для воды и спуск в шахту с гелием.

В общем, хорошо или плохо, но жить тут вполне можно. И чего бы Риду меня сюда сразу не привезти? И сам бы время не терял, и Диторов никаких, случайно заходящих, не было бы. Это как с едой на пассажирском звездолете – я вполне могла бы и типовыми обедами питаться, но кормил он меня натуральными продуктами. Получается, в отношении всего своего явно исповедует принцип «надо беречь». Пусть дом еще не достроен, но одна дверь уже говорила о том, каким жилье будет, так и в отношении со мной. Пусть я его и не знала, но вот такие обыденные мелочи давали понять, что видит во мне полноправную жену. А ради перспективы такой жизни я горы свернуть готова!

– Спасибо, постепенно освоюсь. Вы не тревожьтесь, я все понимаю и к трудностям готова, – заверила я сопровождавшего меня старха и представилась: – Я – Витара.

Вернувшись в жилое помещение, сняла свитер и теплую рубашку, натянув взамен поверх футболки легкую водолазку с высоким горлом, сдернула меховые сапоги, вязанные штаны, теплые носки и переобулась. Теперь я была готова к любому делу.

– Что вы мне поручите сделать? – подошла я к гремящему посудой старху.

– Вот надо похлебку варить, – со свойственной, видимо, ему угрюмостью сказал Гриф. – Можете помочь?

– Конечно, – обрадовалась я, – только руки помою.

В санитарной зоне в сравнении с убежищем был просто каменный век. Разобралась, что руки мыть и умываться полагалось водой из ковша, который плавал в большем ведре с

водой. Осторожно склонившись над отверстием в полу, где в будущем предполагался слив, осторожно вымыла руки и вернулась к старху. Он уже засыпал бобы в большой круглый чан с водой, стоявший на своеобразной плоской спирали из очень ярко пылающих зеленых вен.

– Морус почистите? – предложил он, протягивая мне уже вымытые корнеплоды в небольшом тазике и ножик.

Кивнув, присела неподалеку и принялась осторожно срезать фиолетовую кожицу.

– Там все серьезно? – спустя некоторое время уточнила про состояние дел внизу.

Гриф только вздохнул.

– А придумать ничего нельзя? – продолжала допытываться я.

– Рид и так сделал очень мощную систему охлаждения. Но на такую нагрузку компрессоры не рассчитаны, – донесся глухой ответ.

Старх каким-то образом активировал соседнюю, прямо в полу, спираль и поставил на нее емкость поменьше с мясом.

– А если не выдержат? – напрашивался вопрос.

Снова вздох.

– Может быть, стоит ненадолго прерваться? – осторожно уточнила у старха я.

– Тогда гарантированно не успеем, – был мне угрюмый взгляд в ответ. – А это равнозначно тому, что компрессоры полетят. Даже хуже. Компрессоры могут еще выдержать, а вот если собственность не получим – все отберут.

– Точно отберут? – Мало ли, вдруг он думает только о худшем.

– Однозначно. Тут ведь все уже обустроено. Гильдия поставит своего человека во главе – желающих работать хоть отбавляй. И будут на всем готовом вести добычу. Всегда так поступают, – убежденно пояснил Гриф.

Приуныв, протянула ему очищенный морус, который старх принялся мелко нарезать. В душу прокралось отчаяние и какая-то злость. Вот только все наладилось! Чтобы хоть немного переключиться, заглянула в емкость с мясом – бульон уже активно кипел. Чем бы ни были эти спирали, но грели отлично. Вот только странно... Я рукой придерживала край крышки, но не чувствовала жара от этих спиралей. Поймав себя на этом поразительном наблюдении, крышку аккуратно положила назад, а руку протянула ближе к дну – жара не ощущалось. Интересно как.

– Гриф, а как это нагревается? – Обернувшись к старху, я указала рукой на зеленые и белые спирали. В терге от них жар исходил.

– В смысле? Гелий-3 или энергия раскаляет, не чувствуете? Руку поднесите ближе. – Старх выказал недоумение.

Я и сама, чувствуя себя совсем недалеко, вновь вытянула руку ближе к спирали и – ах! – мгновенно ощутила, как ладонь опалило жаром. Отдернув руку, пораженно уставилась на спираль.

– Обожглись? – обеспокоенно уточнил старх. – Что же вы так близко поднесли ладонь.

– Н-нет. – Я, пытаясь понять, не померещилось ли мне в первый раз, отрицательно покачала головой.

Вроде бы реально жар не чувствовался, но... Показалось, наверное.

Вновь обернувшись к старху, озвучила давно засевшую мысль:

– Давайте мясо сразу кусочками порежем и в похлебку добавим?

– Зачем?! – изумился Гриф.

– Э-э-э... так на еду времени меньше уйдет, – нашла я с аргументом, – а сейчас оно дорого – лучше его на сон или на работу потратить.

– Ну... можно попробовать, – неуверенно согласился старх, скорее не желая перечить хозяйке.

После того как мы помяли сварившиеся бобы и добавили в похлебку предварительно нарезанное небольшими кусочками мясо, получилось, что мяса понадобилось в два раза

меньше, а похлебка стала такой густой, что ложка стояла. А ведь еще морус добавить необходимо... Оставшееся мясо Гриф, залив бульоном, унес в кастрюле в морозильник, что-то удивленно бормоча под нос. А я, довольно помешав вполне аппетитно выглядевший и пахнувший суп, закинула в него нарезанный морус и попробовала. По мне, слегка недосолено, но очень вкусно. Буду надеяться, что все насытятся, а если будут недовольные, то вернуться к отдельно поданному мясу всегда можно.

– И как? – с интересом уточнил вернувшийся Гриф.

– По-моему, вкусно, – искренне поделилась впечатлениями я, – только соли можно добавить.

– Соли почти не осталось, мы же оленям ее даем. Но Рид на ярмарке купить должен. Она тяжелая, и если звездолетом везти, то те же деньги, что и здесь, выйдут.

Из глубины зала послышались голоса, и почти сразу появились два старха.

– Теса Тшехар. – Оба вежливо поприветствовали меня.

Вид у них был невероятно усталый, да что там – едва на ногах держались. Мы с Грифом быстро усадили их на ящики, и, пока я наполняла похлебкой миски, горбатый старх налил им по огромной кружке питья. Оба осушили кружки в несколько глотков, и Гриф поспешил наполнить их снова.

– Охладили? – задал Гриф вопрос, который и у меня самой на языке вертелся.

– Немного, но ненадолго это. Рид с Нилом обливают водой, сейчас пробуют льдом с поверхности обкладывать. Но это тоже риск: от разности температур внутри и снаружи сам корпус компрессора треснуть может, – пояснил старх, которого звали Тином, как я поняла из разговора мужчин.

Быстро поев, они буквально рухнули на свои тюфяки и заснули мгновенно. Переглянувшись, мы с Грифом прошли в дальний зал к загону с оленями. Мои космические спутники, судя по всему, чувствовали себя прекрасно. Гриф наполнил водой два крупных корыта и бросил в каждое по паре горстей соли. В специальную длинную кормушку на троих набросал уже знакомые лепешки риданского мха, а также мохнатые пучки какого-то растения. Черный мох!

– Едят они его? – указав на единственную местную флору, уточнила у старха.

– Поначалу привередничали, но сейчас привыкают, – сдержанно объяснил Гриф. – Скоро каждый день за мхом ходить придется.

– А им не вредно такое долгое ограничение передвижения? – Я окинула взглядом загон, довольно приличный, но ведь олени привыкли постоянно перемещаться в поисках пищи...

– Рид как раз и рассчитывал выпускать их в пещеры, где растет мох, но там надо все предварительно оборудовать плюс подъемник перестроить. Но сейчас не до этого, вот и придется пока рогатым потерпеть, – с философским спокойствием заключил старх.

Да, получается, что все мы ждем окончания этой недели. Но главное, чтобы до этого срока протянули компрессоры и чтобы гелия-3 выработалось необходимое количество. В общем, олени с нами в одной лодке!

– Если что, – коснувшись руки старха, предложила я, – можете мне поручать их кормить, я справлюсь.

Старх кивнул и предупредил:

– По утрам еще чистим у них.

– А куда навоз? – заинтересовалась я.

– В большой контейнер собираем. Рид сказал, не выбрасывать, – пожал плечами старх.

Отлично! Надо будет при случае узнать, зачем ему навоз, и, если просто на перспективу сохраняет, предложить свой вариант использования. Покормив животных, немного их погладили, позволяя обнюхать. Самки проявляли общительность и охотно тянули головы, давая почесать себе шею, а вот самец сварливо стоял в отдалении и следил за нами грозным взглядом.

– Свою территорию охраняет, – хмыкнул Гриф.

– А зачем они тут? – Этот вопрос все-таки не давал мне покоя.

– Так Рида задумка. Все хочет зависимость снизить от всего привозного, начать обжигаться по-настоящему, чтобы, случись что и реши гильдия разработки прикрыть, жизнь здесь не прекратилась. Олени эти живут в похожих условиях, и он надеется, что сможет их развести и акклиматизировать. Мох ведь этот катастрофически разросся: внизу жара и влажность высокая, а ему только того и надо. Вот мы на него оленей и напустим. А животные – это же сразу и молоко, и мясо, и шкуры, да и кости, если измельчить и обработать, мука очень полезная выходит. Микроэлементов многих тут при однообразном рационе не хватает. А костная мука идет в пищу и восполняет недостаток в белке и минералах.

Я потрясенно замолкла, переваривая информацию. Это ж надо, какие планы масштабные. И сейчас все может рухнуть из-за этих сроков?!

– А гелий-3? Его много? Ведь без него тут все вымерзнет. Имеет ли смысл так стараться и обжигаться? – Внезапно возникшая мысль отвлекла от раздумий о первых иволонских домашних животных.

– О-о-о, – усмехнулся старх, – лет на шестьсот минимум запасов. Это если добывать интенсивно. Но наш народ не такой. Дай только закрепиться, на ноги встать, планету домом почувствовать. Варварскую добычу быстро свернут, а уж как обогреваться и откуда энергию брать, если что, придумают. Когда-то это вообще не являлось проблемой, но тогда Проводников была целая каста, а сейчас редкость они.

Я насторожилась. Получается, Проводника он во мне не чувствует? С нюхом у него тоже неполадок? Ну хоть не я одна тут такая дефективная.

– А кто они, Проводники? – переспросила я.

– Вы Рида спросите. Сложно там все, не моего ума дело. А сейчас спать пора, время уже позднее. Мыться будете?

Припомнив ведро с ковшом, решила не напрягать горбатого старха. Тем более с утра сегодня душ принимала. Да и спать очень хочется. Бедный Рид... как он там со своими напарниками еще на ногах держится?

Глава 11

Началась череда напряженных, наполненных ожиданием и тревожным волнением повседневных событий. Стархи по двое, а то и по одному приходили, чтобы быстро поесть и отключиться в коротком, но таком необходимом восстанавливающем силы сне. Мужчин уже шатало от усталости и надрывного усердия. Но компрессоры пока держались, и это вселяло надежду, что все получится.

За четверо суток, прошедших с моего появления здесь, Рид приходил поспать один раз часа на три-четыре. Впрочем, остальные появлялись не чаще. Обстановка в доме была такой давящей и все настолько были сосредоточены на единственной цели, что ни на что постороннее не отвлекались. Я совершенно не волновалась на свой счет: никому из обитателей нашего под-земелья (олени не в счет!) до меня не было дела – на любопытство сил не оставалось. Поэтому, фактически находясь только в обществе Грифа, освоилась быстро.

Я уже вполне самостоятельно кормила животных, а один раз даже принесла им морус. Оленихи гостинец с родной планеты распробовали и стали просяще тыкаться шерстистыми мордами мне в ладони. А вот Гриф от моей инициативы был не в восторге.

– Самим бы хватило... – недовольно пробурчал он.

– Но ведь мы можем овощные шкурки и кожуру им скормливать, – извинившись, предложила я. – И еще давать ту воду, в которой на ночь бобы замачиваем?

Гриф, просветлев, простоту мысли оценил, особенно перспективу избавления от отходов с пользой, после чего мы тут же отправились на кухню. Оленям нехитрая кормежка пришлась по душе. Даже суровый Ярик – мы с Грифом именно так прозвали самца – не удержался и поучаствовал.

Вообще, Ярик – это отдельная история. Гриф не разрешал мне прибираться внутри загона именно по причине неумного характера самца. Олень очень агрессивно воспринимал любое чужое проникновение за ограждение и сразу, грозно наклонив голову, направлял на нарушителя границы внушительные рога. Зачастую Грифу в воспитательных целях приходилось при-кладывать строптивца черенком лопаты, требуя проявлять терпение и уважение. Я же смея-лась, наблюдая картину со стороны.

– Он в тебе конкурента чувствует, давай я попробую чистить? А то по глазам видно, что Ярик опасается, как бы оленията горбатенькими не вышли! – шутила я.

Гриф смешливо фыркал, но меня к уборке не подпускал, теща себя надеждой, что сумеет перевоспитать Ярика.

Обычно, прежде чем положить оленям свежего корма, Гриф выгребал со дна кормушки все, что животные не сочли достойным своего рациона: жесткие, замятые, влажные и прочие, по каким-то причинам не понравившиеся им кусочки мха.

– А куда вы все это деваете? – поинтересовалась я.

– Выкидываем, – пожал плечами Гриф.

– Мм... а можно тоже... сохранять?

Если удастся уговорить Рида осуществить мою затею, то мне вот эти олени объедки ох как пригодятся! Прав был Руенз, на этой планете даже самая ничтожная, по мнению большинства, вещь может сослужить службу.

Гриф бросил на меня быстрый взгляд, в котором промелькнула хитринка, и сказал:

– Похожи вы... Ладно, освободился из-под корма один контейнер, туда складывать буду, устроит?

Благодарно кивнув головой, я поспешила в санитарную зону мыть руки. Пора проверить готовность еды. Кстати, мое мясное нововведение никем, кроме Грифа, замечено не было. Он с

довольным видом каждый день откладывал половину привычной нормы назад в морозильник. А стархи были такими уставшими, что вряд ли думали о том, что едят.

Мы с Грифом пробовали похлебку, намереваясь поесть сами, когда пришли стархи. Сразу пятеро... Резко замерев, мы вопросительно уставились на идущих к нам хмурых мужчин. Судя по их виду, что бы ни послужило причиной этого массового возвращения, нас сие вряд ли обрадует. Я сразу обратила внимание на угрюмого мужа, узнала Нила, Зогала и Тина, имени пятого еще не запомнила.

– Останавливаем компрессоры, – сказал Рид, тяжело опускаясь на ящик.

– Сегодня достигли предела: как ни пытаемся еще с ночи, ни на градус понизить температуру поверхности корпуса не можем. Наоборот, поднимается и поднимается. А сейчас и вовсе докрасна раскалился металл. А ведь там сверхпрочный сплав, – убито дополнил разговорчивый Нил, усаживаясь за стол.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.